

Внимание!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.
Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.
Эта книга способствует профессиональному росту читателей.
Любое коммерческое и иное использование материала,
кроме предварительного ознакомления, запрещено.

Оригинальное название: *The Vigilante's Lover by Annie Winters, Tony West*

Название на русском: Энни Уинтерс, Тонни Уэст

"Мстительный любовник. Часть I"

Перевод: Юлия Убагс

Редактор: Леся Мельник

Вычитка: Анастасия Ланцова

Обложка: Надежда Ефимова

Переведено специально для группы:

https://vk.com/romantic_books_translate

Любое копирование без ссылки

на переводчика **ЗАПРЕЩЕНО!**

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

«Оденьте Борна как Бонда и заставьте его вести себя как Грей, и вы получите Джекса Де Луча».

Диана Рой.

Девушка по имени Мия получает письмо из тюрьмы Ридли, чье откровенное содержание заставляет ее дрожать всем телом. Искушение. Связывание. И множество других вещей, о которых она никогда не слышала. Сам автор письма невероятно пылок в своих признаниях к женщине, которая, вероятно, дала ему неверный адрес. Ее адрес.

Сначала девушка планирует вернуть письмо, ведь он — осужденный преступник. Но его слова плотно засели у нее в голове. Ведь Мия никогда не делала ничего подобного, и еще ни один мужчина не разговаривал с ней так...

Поэтому она отвечает ему, притворившись женщиной его мечты.

И эта переписка становится единственным ярким пятном в ее скучной жизни.

Ее загадочный поклонник пробудет в заключении еще пятнадцать лет.

А значит, она в безопасности и ничего плохого не случится.

До тех пор, пока он не сбегает из тюрьмы...

Глава 1

Джек

Десять минут до побега.

Я наклоняю голову и прислушиваюсь, раскрыт мой план или нет. Изменение темпа шагов охранника. Где-то срабатывает сигнализация. Неожидаанные голоса или звук взведения курка пистолета.

Но всё спокойно.

Если моя команда хорошо сработала, все так и будет, вплоть до моего исчезновения.

Девять минут.

Я коротаю время прочтением последнего сообщения:

«Веревка опалает, скользя по твоей коже, страсть сжигает все предохранители. Узел завязан как следует, и ты резко вдыхаешь, будто тебя поймали в ловушку, опоясывающую твое обнаженное бедро».

Конечно, это послание не от красивой девушки. Собственно, это и не любовное письмо. Это секретный код, которым я пользуюсь в сети.

Для тех, кто знает его, здесь всё предельно ясно. «Страсть сжигает» — это подготовка к газовой атаке, определение запасного пути к выходу.

Я не допущу ни одной незапланированной детали.

Семь минут.

Узлы были моим дополнением в наш семейный код после того, как мои родители ушли от Мстительных. «Отличные веревки». «Великолепные узлы». Все в этом языке вызывает к чувствам.

Красота. Мощность. Подчинение.

Мне нравится всё из этого.

Звуковой сигнал в конце длинного коридора. Новый охранник идет на дежурство. Осталось пять минут до осуществления плана.

Я готов.

Глава 2

Мия

В этом большом доме так тихо, что мне нечем себя занять. Я ничего не могу с собой поделать. Я хочу прочитать последнее письмо еще раз.

«Я представляю веревку, скользкую по твоим шелковистым складкам. Первый узел фиксируется напротив твоего опухшего клитора. Ты стонешь, и твой голос как наркотик для меня, — опьяняет, завлекает. Я хочу услышать его снова. Я затягиваю узел, еще больше вдавливая его в твое тело».

Мое сердце бешено колотится. Я прижимаю ладонь к груди, будто это замедлит его.

Я отрываю глаза от страницы. Если не перестану сейчас читать это, мне придется провести долгую одинокую ночь в холодной постели.

Одно из двух — либо я продолжу читать, либо нет.

«Твое дыхание ускоряется, и твоя рука тянется вниз. «Непослушная девочка», — шепчу я, и затягиваю петлю на твоём запястье. В мгновение ока твоя рука вытягивается вдоль кровати. Я привязываю веревку к спинке кровати. Ты обезврежена. Ты в моей власти. Ты — моя».

Бумага мнется в моих дрожащих пальцах. Я разглаживаю ее на деревянной поверхности старого стола, который моя тетя ценит в сто раз больше, чем остальную мебель в доме.

Тетя... После ее ухода здесь теперь тихо. Прошло две недели. И только тиканье старинных часов в гостиной прерывает тишину.

Я опираюсь на спинку стула. Особенности моего тела напряжены и чувствительны. Я никогда не ввязывалась в такие сумасшедшие отношения, но это было так... Как он сказал? *Опьяняюще. Завлекающе.*

Тяжелый вздох вырывается из моей груди. Я вытаскиваю конверт из-под исписанных страниц и изучаю штамп уже в сотый раз:

«Тюрьма Ридли.

Чикаго, штат Иллинойс».

Это его последнее письмо, доставленное сегодня утром. И единственное отвлечение от моих долгих, странных дней в этом пустом доме, где я не знаю, что делать после ухода последнего члена моей семьи.

Обвожу пальцем края штампа. Его поставили неделю назад. Потребовалось время, чтобы доставить письмо. Скорее всего, кто-то в тюрьме должен был прочитать его и одобрить содержание. Интересно, что они об этом подумали.

Мои глаза цепляются за строчку:

«Узел скользит по тебе, вызывая новый крик возбуждения».

Хватит. Стоп.

Я встаю, обдувая лицо конвертом. Когда несколько месяцев назад доставили первое письмо, я решила, что кто-то ошибся адресом. Тетя Бей была не из тех, кто переписывается с кем-то в тюрьме.

Но она уже не могла говорить, когда я приехала ухаживать за ней. Последний удар был настолько сильным, что отнял ее речь и большинство двигательных функций. Соседи, присматривающие за тетей, больше не справлялись, так что ей пришлось бы доживать свои дни в доме престарелых, находящимся в тридцати километрах отсюда. Но в нашем небольшом городке штата Теннесси нет таких заведений. Предполагается, что семьи заботятся о своих больных.

Так я и поступила: бросила колледж и вернулась в старый викторианский особняк на окраине города.

Конечно, мой приезд несколько облегчил состояние тети. Ее счастливые глаза следовали за мной, когда я входила в комнату, чтобы покормить ее и поправить подушки.

Она не могла со мной общаться, только сжимала мою руку и слегка кивала головой. Слова не были приоритетны в наших ограниченных разговорах, которые сосредотачивались на темах голода и комфорта, принятия важных решений о ее доме и счетах.

Но теперь, когда она ушла, письма — это то немногое, что связывает меня с внешним миром.

Конечно, автор, *должно быть*, сидит в тюрьме. Я покосилась на имя. Удивлюсь, если он также сексуален, как и его имя.

Джек Де Лука.

Глава 3

Джек

Пять минут до побега.

Удерживаюсь от искушения мерить шагами камеру. Я во власти двух своих друзей, Сэма и Колетт. У меня мало людей, которым я могу доверять. И у нас слишком мало времени, чтобы вытащить меня из тюрьмы Ридли, прежде чем Мстительные заметят мой побег. Я рассказал Сэму и Колетт все, что узнал за год в этой дыре, касающееся охраны и быта.

Мы организовываем побег на несколько месяцев раньше, чем планировалось, но я чувствую, что пора. Что-то случилось с моим самым близким другом, Клаусом. Письма, приходящие из его безопасного убежища, искажены и не закодированы. Это может означать, что он был раскрыт, взят в плен, или еще что похуже.

Как правило, сбежать из обычной тюрьмы легко. Я уже делал это без посторонней помощи. Сейчас же разница в том, что я нежелателен в рамках сети Мстительных сам по себе.

Работать с ними и делать всё возможное. Законы не распространяются на вас. Президенты и премьер-министры отвечают на ваши звонки. А у вас нет необходимости принимать их звонки.

Но перейдете дорогу Мстительным — и считайте себя покойником. Их достижения непревзойдённы. Они являются частью любого правительства, любого агентства, любой группы наемников и банды убийц.

Я хорошо это знаю. Однажды я чуть не возглавил их.

Теперь они хотят убрать меня.

Я хожу по камере, ожидания сигнала открытия дверей. Пробегаю по плану снова, раз за разом представляя каждый шаг. Мысленно иду по залам и коридорам мимо пристальных взглядов охранников. Вижу моих сокамерников, те кивают в знак признания и уважения кто с негодованием, кто с ненавистью. Здесь много врагов. Плевать. По крайней мере, с врагами все понятно.

В отличие от любви. Любовь — это то, что держит меня здесь.

Джованна.

Я качаю головой. Нельзя отвлекаться. Месть осуществится, когда я выйду отсюда. В нашем блоке срабатывает сигнализация, оповещающая о начале рабочего дня. Секундой позже дверь с грохотом открывается, и я начинаю обратный отсчет, готовясь к тому, на что ушли годы тренировок. Злость захлестывает меня, и я пытаюсь выровнять дыхание.

Расслабься, Джекс.

В тюрьме с системой отслеживания настроения отклонение от нормы не приведет ни к чему хорошему. Даже если за ней не следят охранники, то это делают Мстительные. Я признаю их жалкие попытки поставить граждан на место.

Делаю шаг вперед и смотрю на экран на наружной стене камеры. По-прежнему зеленый.

Бестелесный голос выдает команду из динамиков:

— Заключенные, приступите к утренним заданиям.

Мои сокамерники поднимаются и выстраиваются в ряд. Большинство смотрят прямо перед собой, утром их не стимулировали через кровь. Я игнорирую это. Они не важны для моего плана, разве что могут стать препятствием, которое нужно будет объехать, как выбоину на дороге.

Все же бросаю несколько взглядов: интриганы, заговорщики и параноики. Они — это неизвестная, которая одним случайным жестом может уничтожить все мои труды.

Попадаю в людской поток. Опускаю голову, но я в курсе происходящего вокруг. В конце блока поток разделяется на два, и так на каждом перекрестке. Сейчас нас всего несколько, но заключенные из других блоков пополняют наши ряды, пока мы идем через центральный порт. Я чувствую направленный на меня недружелюбный взгляд охранника. Джонсон.

— Де Лука! Сюда, — его голос наполнен злостью.

Подхожу и останавливаюсь перед ним с нейтральным выражением лица. Он фыркает, пока оглядывает меня, потом проводит датчиком настроения над моим телом. Тот переливается сине-зеленым.

Джонсон хмурится, словно ожидал чего-то более интересного. Он смотрит на мой бейдж со списком утренних заданий.

— Снова книжная возня? Это уже не в первый раз, парень, и мне это не нравится.

Я не отвечаю. Он любит играть в крутого, и я могу себе позволить немного потянуть время.

— Потерял голос? — Его свирепый взгляд останавливаются на мне. Щетина, вероятно, должна привлекать женщин, но на самом деле выглядит неопрятно на его жирных щеках.

Я стараюсь говорить спокойно, ведь настроение отображается мерцанием датчика.

— Ничего не могу сказать по поводу моего задания.

Джонсон смеется, издавая грубый и неприятный звук. В другом месте и другое время я бы повалил его на землю. Но сейчас я просто жду.

— Ни черта ты не сделаешь, — говорит он. — Ты — интриган и махинатор рабочей системы.

Вена пульсирует на его шее. Его пульс ускоряется, нужно это исправить. Он действует вне нормы. Датчик будет фиксировать настроение, и мой план провалится, если нас засекут. Систему не волнует, кто расстроен — заключенный или охранник. Она просто реагирует.

— Как скажете, сэр, — отвечаю я.

— О, я скажу. И я также скажу тебе, что ты не пойдешь в библиотеку сегодня. У меня планы на тебя.

Мои глаза направлены на датчик в его руке. Он мерцает желтым. Это не часть игры Джонсона, но все же он переворачивает датчик и вешает его себе на пояс. Верхние мониторы менее чувствительны.

— Ладно, — говорю я, будто это не имеет значения. — Но думаю, сегодняшние задания распределял МакГрудер. У него может быть иное мнение на этот счет.

Жирный МакГрудер — капитан моего тюремного блока. Его имя производит ожидаемый эффект. Джонсон в гневе выдыхает через нос. На мгновение мне кажется, что он пойдет против своего командира, но затем он отворачивается.

— Убирайся отсюда, прежде чем я найду предлог избить тебя.

— Как скажете, сэр. — Противостояние закончилось, и я теперь легко скрываю свои эмоции, но Джонсон, кажется, не замечает этого. Да, я определенно вернусь сюда, чтобы отомстить.

Я отстаю от графика уже на шестьдесят секунд. Ускоряю темп, чтобы преодолеть половину пути, подхожу к библиотеке — наименее патрулируемой комнате. Мне пришлось потянуть за множество ниточек, чтобы получить эту работу: продать немного сигарет и кое-какого простенького оружия. Я позаботился о том, чтобы не вооружать тех, против кого не смог бы защититься спящим. Ерунда.

Я провожу пропуском на входе и поворачиваюсь к стопкам. Ряды заплесневелых книг на серых металлических полках, доходящих до моей груди. Это для того, чтобы держать заключенных на виду. Охранник смотрит в мою сторону просто подтверждая свою позицию, затем возвращается к работе.

— Ты опоздал, — шепчет низкий голос мне на ухо.

— Знаю, — отвечаю я, не оборачиваясь. Сэм на самом деле на пять рядов дальше, но он стоит так, что его могу слышать лишь я.

— «Маленькие женщины», — говорит он. — Третья полка.

Я тянусь за книгой и провожу пальцем по корешку. Чувствую небольшой дротик, спрятанный в книге.

— Осторожней с ним, — шепчет Сэм.

Я отвечаю скупым кивком и направляюсь к охраннику. Краем глаза вижу как Сэм, одетый в простой темный комбинезон сторожа, меняет позицию. Щелчок в ухе говорит мне, что он перенаправил камеры в комнату.

Я подношу книгу к охраннику корешком вверх. Он смотрит на меня, вопрос застыл на его губах, нажимаю на корешок.

Мужчина издает тихий хрип, дротик входит в его шею. Глаза охранника расширяются от удивления, когда его пальцы нащупывают маленький кусочек металла, пропоровший кожу. Я вижу тревогу в его глазах, но она исчезает, так как препарат

действует. Охранник пошатывается, и я хватаю его прежде, чем он упадет, и кладу его под стол.

Пробегаю пальцами по форме. К тому времени как Сэм присоединился ко мне, я разжился рубашкой. Сэм расстегивает свой комбинезон, показывая тонкую сумку, содержимое которой удивляет. Бледно-серый костюм. Я сбрасываю оранжевую робу, а Сэм сдирает свой комбинезон.

— Ты не перестаешь удивлять. — Я щупаю костюм. Дорогая ткань позволяет почувствовать себя как в раю.

— Скажешь спасибо Колетт. — Он надевает форму охранника.

— Обязательно поблагодарю ее при встрече. — Костюм садится безупречно, я чувствую себя как обычно. Почти.

— Это должно было занять пять минут, но кто-то решил поболтать с охранником, — ворчит Сэм.

— Я разрезал свой комбинезон быстрее, чем прежде. Все будет хорошо.

Сэм прячет комбинезон в сумку, а я кидаю робу поверх бессознательного охранника.

Теперь к неприятной части. Сэм заставляет меня наклонить голову. Шею ломит от боли, пока он извлекает чип слежения, их имплантируют всем заключенным.

— У тебя идет кровь, как и у остальных из нас, — говорит Сэм и протягивает мне аптечку.

Анальгетик успокаивает рану и останавливает кровь. Я выпрямляю воротник, чтобы спрятать рану.

Сэм прячет чип в носок охранника и вытаскивает компрометирующий дротик из его шеи. После этого мы относим его тело к стеллажам.

— Готов к прогулке? — спрашивает Сэм. — Документы не совпадают, могут возникнуть сложности.

— Все будет в порядке. У ворот новый дежурный. — Это одна из причин, почему я решил бежать сегодня.

Вместе мы выходим из дверей библиотеки, которые распахиваются, реагируя на значок на форме Сэма. Перед нами пустой коридор.

— Я не смог отключить систему отслеживания настроения. Это Мстительные, — говорит Сэм.

Я киваю, соглашаясь. Мы направляемся по коридору, привлекая внимание каждым своим шагом. В тюрьме не многие ходят в костюмах. Над нами проводят сканирование частоты пульса, температуры тела и дыхания. Мы направляемся к выходу с вмонтированным идентификатором личности. Три месяца назад такого еще не было.

Дело принимает опасный оборот.

Глава 4

Мия

Три коротких стука в дверь. Это может быть только Ширли, моя соседка. Прячу письмо под книгу на столе и иду к двери.

Проклятая дверь всегда заедает с наступлением холодов. Осенний воздух раздувает непослушные кудри вокруг моего лба, пока Ширли протягивает мне маленький презент.

— Это мясной пирог.

Я пропускаю ее на кухню. Ширли, как и большинство в этом небольшом городке, — сдержанная, дружелюбная и очень любопытная. Я следую за ней по всему дому, поглядывая туда, где лежит письмо, будто его необузданное содержание может внезапно дать о себе знать.

Ширли ставит блюдо в духовку.

— Можешь съесть, когда захочешь, — говорит она приветливо.

Ширли улыбается, и на ее щеках появляются ямочки. Ее седые волосы завиты в локоны, которые она делает в салоне красоты Пэтси еще с 1980 года. В ее прическе можно увидеть именно то место, где каждый волосок к волоску переходит в волну.

Она моет руки.

— Уже ощущается осень. Ты сегодня выходила? — Ее вопрос невинен, но я знаю, что она обеспокоена тем, что я никуда не хожу.

— Я утром ходила в магазин за молоком.

Она кивает и снова суетится вокруг меня.

— Не могу остаться поболтать. У Роуди возникли некоторые проблемы, и он воет с тех пор, как мы отрезали ему... — Она делает паузу. — Ну, надеюсь, мы справимся.

Ширли весело смеется, затем обходит вокруг меня и кладет теплые руки на мои щеки.

— Беатрис переживала о тебе. Ты должна понять, чем хочешь заниматься, и я уверена, весь город будет рад помочь тебе в этом.

Я киваю. Не сомневаюсь, что она права.

Ширли отпускает меня.

— Я чувствовала бы себя намного лучше, если бы с тобой здесь кто-то был. Петерсон раздает щенков. Может, возьмешь одного? Щенок наполовину хаски. Будет отличная сторожевая собака.

— Я подумаю об этом, — говорю я, хотя знаю, что собака создаст некоторые ограничения для меня. — Я могу еще вернуться в колледж.

— Конечно, — говорит Ширли. — Тебе только двадцать лет. Впереди целая жизнь.

Долгий вой нарушает тишину.

— О, это Роуди. Можно подумать, что мы... — Она снова смеется. — Надеюсь, он не станет беспокоить тебя сегодня вечером. Мы будем запира́ть его, кроме случаев, когда ему понадобится сделать свои дела.

— Я буду в порядке.

Ширли наклоняется и целует меня в щеку.

— Наша бедняжка Мия. Ты всегда можешь позвонить любому из нас, ведь мы — семья.

— Спасибо, Ширли.

Я благодарна ей. Действительно благодарна.

Она быстро спускается по лестнице. Внезапный порыв ветра раздувает листья, и они кружатся в маленьком урагане. Ширли останавливается и поворачивается ко мне, чтобы удостовериться, видела ли я это.

— Осень! — кричит она. — Грядут перемены!

Ширли садится в машину, и я вижу Роуди с конусом вокруг головы. Ему даже удалось высунуть голову из окна. Он снова воет.

Бедная собака. Ширли живет рядом, вниз по дороге, но с Роуди она едет другим путем. Ее старый Бьюик срывается с места, и она машет мне на прощание.

Я снова одна.

Плечусь в гостиную, касаясь каждого из заветных серебряных колокольчиков тети Беа. Я прожила в этом огромном доме большую часть своей жизни после смерти моих родителей, мне тогда было восемь, так что мне знаком здесь каждый закоулок.

Надо сделать чаю. Иду на кухню и ставлю чайник на газовую горелку. Передача права собственности на дом произойдет в ближайшее время, после оглашения завещания. Тогда мне придется решать, что делать дальше. Продать дом? Сдать в аренду? Надо закончить колледж. Чем-то заняться.

Я чувствую себя растерянной, покинутой, как моряк, который плохо привязал свою лодку дрянной веревкой, и та уплыла.

«Узел скользит по тебе, вызывая новый крик возбуждения».

Я не могу не думать об этих письмах. В них есть одно странное совпадение, и это одна их причин, по которым я сохранила их.

Узлы. Я знаю все об узлах.

Родители обучали меня морской терминологии. Кажется, будто только так и разговаривали в нашей семье. У нас был небольшой парусник, который мы выводили на озеро неподалеку от нашего дома.

Меня учили обращаться с лодкой, я должна была знать каждый тип узла, сцепку и уметь бросать трос.

После прочтения «тюремных писем» некоторые из терминов приобрели совершенно иной смысл. *Французский ударный узел*, например.

Тепло вновь заполняет мое тело. Мне хочется какой-нибудь истории с сексуальным опытом, чтобы меня наполнили те же эмоции, что поглощают меня в момент прочтения письма. Но крошечная муниципальная школа и последовавший за ней колледж не предоставили мне много возможностей.

Кроме того, большинство считает меня странной, как Белль из *«Красавицы и чудовища»*. Прилежная, скучная и, скорее всего, потратившая всю ночь на чтение, нежели на посещение какой-нибудь вечеринки. Хотя меня и не приглашали на них.

Чайник свистит. Я понимаю, что забыла положить в кружку заварку. Мечтательность — еще одна дурная привычка, усугубившая мое одиночество. Я накладываю ложкой развесной чай в заварник. Кухня в жалком состоянии.

Открываю духовку и вытаскиваю пирог Ширли. Аромат курицы успокаивает меня, но я не голодна. Так что спускаюсь по лестнице, обеими руками обхватив теплую кружку.

Холодно, но это не из-за погоды. А из-за чувства, будто я обречена скитаться по жизни в одиночку. Я даже не могу себе представить жизнь скучнее той, которой живу уже так давно.

Я останавливаюсь перед фото, висящем на стене в коридоре. Я. Мои родители. Я маленькая. Мне, наверное, лет шесть. Я счастлива. Мой отец надел панаму, и его большая улыбка — единственное, что видно в ее тени. Моя мама красивая, ее волосы развеваются вокруг лица, она одета в изысканные элегантные белые шорты и свитер.

Моя тетя была маминой сестрой. Они совсем не похожи и, по большому счету, даже жили по-разному. Мама любила приключения. Она повстречала моего отца, когда подрезала его катамаран на частной регате. Тетя была доброй, мягкой женщиной и никогда не была особо впечатлительной. По-видимому, такой же, как и я.

Когда мои родители погибли в инциденте с парусником и все говорили, что с их образом и стилем жизни так и должно было случиться, она взяла меня к себе.

Я возвращаюсь в гостиную, отпивая небольшими глотками чай. Смотрю в окно на газон. Еще один день в моей жизни проходит. Просто видимость жизни.

Может, я должна еще раз взглянуть на письма? Как бы сумасшедше это ни звучало, думаю, мама одобрила бы это.

Глава 5

Джекс

Каждый оборачивается вслед Сэму и мне, прогуливающимся по тюрьме так, будто это место принадлежит нам. Заключенные обсуждают мой костюм. Охранники рассматривают Сэма, пытаются понять, знают они его или нет.

Центральное здание — это лабиринт со стеклянными стенами. Мы идем через него — Сэм на шаг впереди меня, и приближаемся к стойке регистрации на противоположной стороне. Охранник смотрит в монитор перед собой. С нашей позиции я вижу какой-то бейсбольный матч. Шнур от наушников ползет вниз по его груди. Мужчина не обращает на нас никакого внимания.

Сэм прочищает горло.

— Вы заставите нас стоять здесь весь день?

С усилием оторвавшись от экрана охранник, наконец, поднимает глаза. Он быстро пробегаются по нам взглядом и останавливается на мне.

— Кто это?

— Библиотекарь. Приводил в порядок нашу коллекцию, — говорит Сэм.

Охранник вздыхает и включает что-то на экране. Он проработал здесь лишь пару дней, но уже заработал некое отношение к себе. Список сменяет бейсбольную игру.

— Имя?

— Серджио Аванти, — говорю я.

Охранник хмурится, прокручивая текст. Я сосредотачиваюсь на дыхании. Сэм фыркает и переступает с ноги на ногу. Секунды тянутся словно часы. Охранник замирает и смотрит на экран.

— Какого черта?

Я знаю, что он не увидел информации, что я входил сюда. Опытный охранник поймет, что что-то не так, но мы сыграем на том, что этот — новенький, и не захочет признавать, что он в замешательстве.

Есть также проблема с Мстительными. Они контролируют безопасность. Если мы простоим здесь слишком долго, если датчик настроения охранника погаснет или он начнет подозревать нас, они могут вмешаться. За год, проведенный здесь, я видел нескольких среди персонала. Если меня поймают, я обязан сделать все, чтобы защитить Сэма и Колетт.

Настроение на датчике переходит от зеленого к желтому. Сэм и я в порядке. Это охранник. Нужно его успокоить.

— Здесь говорится, что вы должны были прийти после Рождества, — говорит он. — Так почему вы сейчас здесь?

— Утвержденные расписания всегда высвечиваются, — говорит Сэм. — Второй раз за неделю я должен сопровождать кого-то, кто не высвечивается на экране.

Охранник смотрит на монитор еще минуту. Датчик настроения все так горит желтым. Мужчина смотрит на мой костюм, будто стараясь убедить себя, что я не могу быть заключенным. Нет причин сомневаться в моем положении, хотя мы, вероятно, превысили отметку волонтеров в тюремной библиотеке.

Датчик настроения загорается красным.

— У тебя знакомое лицо, — его голос напряжен.

Время успокоить его.

— Люди часто принимают меня за актера Брэдфорда Агетти. Большая кинозвезда. Я совсем на него не похож.

Охранник фыркает.

— А я похож на короля Англии.

— Я — фанат Уилла Смита, — говорит Сэм. Он гладит свой большой живот, как будто у актера когда-либо появлялся лишний килограмм веса.

Это заставляет охранника смеяться. Датчик настроения приближается к желтому, затем к зеленому. Он нажимает несколько клавиш и кнопку, чтобы открыть стальные двери.

— Звони в следующий раз, — говорит он. — Чтобы сразу получить книги.

— Обязательно, — салютую я, — Ваше Величество.

Он снова смеется, когда мы проходим через главный вестибюль.

— Отлично выкрутился, — шепчет Сэм. — Колетт у входа в черном седане лексус.

Когда мы подходим к двери, его бейдж загорается красным. Сэм хмурится.

— Забери меня у служебного входа за углом. — И он исчезает в боковом зале.

Я не поддаюсь искушению взглянуть на камеру на потолке. Я иду мимо входа для посетителей и выхожу через центральный вход. Солнце ослепляет меня, и я щурюсь в

поисках Колетт. Спустя несколько секунд гладкий черный седан тихо подъезжает. Пассажирская дверь распаивается.

— Кто вызывал транспорт? — раздается голос Колетт, и ее французский акцент щекочет слова. Я проскальзываю на сиденье. Дверь закрывается и я вздыхаю.

— Ты не представляешь, как мне сейчас хорошо, — говорю я, погружаясь в мягкость кожи.

Колетт смеется, ее темные волосы закрывают щеки.

— Приятно видеть тебя, Джекс.

— Знаешь как я рад, что ты здесь?

— Сэм застрял? — Ее лоб, прикрытый короткой челкой, недовольно морщится.

— Сотрудники не могут выйти во время смены. Я его предупреждал.

— Он думал, что обманет этот чертов бейдж.

— Поехали за угол. Он подойдет.

Я верю в Сэма и его умение выкручиваться. Кроме того, он — Мстительный.

Колетт отъезжает от ворот и разворачивается. Мы оба осматриваем ворота, боковые выходы и уязвимые места, на случай если придется быстро отходить.

Прошло несколько минут.

— Где он? — В ее голосе слышится страх. — Мы должны уничтожить коммуникации, так как нас могли прослушать.

Дверь открывается, но вместо Сэма выходит Джонсон. Он замечает черный автомобиль и идет прямо на нас.

— Нас раскрыли? Мы должны уехать? — Колетт тянется к зажиганию.

Останавливаю ее.

— Я не уеду без Сэма.

Джонсон доходит до затемненных окон и всматривается. Как только его нос вплотную прижимается к стеклу, я с силой открываю дверь. Он резко отшатывается назад, кровь стекает по его лицу. Я выхожу из машины и жду, когда он посмотрит на меня.

— Дерьмо, — говорит он. — Ты?

— Собственной персоной.

Не хочу, чтобы он запачкал кровью мой костюм, поэтому вместо того, чтобы бить,жимаю нерв на его шее. Колени охранника подгибаются, и он падает лицом на асфальт.

Сэм выбегает из дверей.

— Приготовься бежать! — орет он. За ним появляются два охранника.

Сажусь в машину.

— Безупречный расчет времени, — говорю я.

— Едем. — И он ныряет на заднее сиденье.

Колетт срывается с места. Охранники бросаются в погоню, но отстают. Один останавливается, чтобы сообщить о нас по рации. Не важно. Мы уже проехали ворота.

— Вы двое отлично сработали. Я должен вам выставиться.

— Не скупись, — говорит Сэм. — Можешь добавить это к нашему счету. Надеюсь, ты хорошо заплатишь.

Он опускает стекло и бросает бейдж охранника на асфальт.

— Не сомневайся.

Не то чтобы Сэм нуждался в деньгах. Каждый Мстительный имеет доступ к любой необходимой ему сумме.

Сэм хлопает меня по плечу:

— Черт, классно, что ты вернулся.

— Без тебя было слишком тихо, — добавляет Колетт. Она сбрасывает скорость, и мы едем, не привлекая внимания. — И что теперь?

Секунду я наблюдаю за пейзажем за окном.

— Мне нужно добраться до Клауса. Думаю, Джованна у него.

— До сих пор думаешь об этой женщине? — В голосе Колетт слышится смех.

Я хмурюсь.

— Я убил невинного из-за нее.

— Не такого уж и невинного, — говорит Колетт.

— Не предоставилось случая.

У меня все вздрагивает при мыслях о Джованне. Я любил эту женщину. Тупо. Глупо. На свою погибель. Она использовала меня, чтобы убить своего соперника — Мстительного. За что меня и посадили. Только Сэм, Колетт и Клаус знали правду. Джованна исчезла сразу после того, как я запачкал руки.

— Я думаю, Клаус у нее.

— Он же залег на дно? Откуда ты знаешь, что его не раскрыли? — В голосе Колетт беспокойство.

— Его письма. Они неправильные.

— Ты и твоя система, — Колетт качает головой. — Клаус, вероятно, завязал в узел свои трусы после прочтения мучительного содержания письма.

Я смотрю на Сэма, который уставился в окно, его лицо выражает беспокойство.

— Клаус — умный человек, — говорит он. — Он может справиться с кодом.

— Согласен. Мы должны добраться до Теннесси, там есть безопасное место.

— Мы не можем пойти с тобой. Мы уже достаточно рискнули за один день.

Сэм прав. Они поставили под угрозу свои позиции Мстительных.

— Тогда высадите меня. Мне нужно проверить его.

— Все спланировано. — Колетт бросает взгляд в зеркало заднего вида. — Сними костюм, Сэм. Наверняка, в нем есть какой-то датчик.

— Неа. Он гражданский, — говорит Сэм, но все-таки снимает униформу. Мы проезжаем над рекой, и та отправляется в полет.

— Сэм! Не мусори! — возмущается Колетт.

— «Сними костюм! Не мусори!» — Сэм кривляется, но переливы его голоса говорят, что он смеется.

Я сижу, наслаждаясь видами природы. Год в этой дыре. Единственный вид был лишь вверх на небо. Сейчас Чикаго тянется во всех направлениях. Пабы. Рестораны. Длинные ряды домов, стоящих близко друг к другу.

— Я везу вас до окраин, — говорит Колетт. — Там мы возьмем наши клонированные удостоверения личности.

— Мне вот интересно, как ты все вычислил.

Сэм натягивает рубашку.

— Ты сидел, босс. Технологии синдиката усовершенствовались, пока ты был вне строя. — Он стучит по кожаному чемодану рядом с собой. — Внутри все инструменты, которые предположительно могут понадобиться, пока ты избегаешь сети.

Я киваю. Сэм — человек-гаджет, даже если он старой закалки. Он чаще выбирает молоток, а не сканирование сетчатки, но всегда знает последние разработки Мстительных. Его способность обходить их, ослабив проволоку плоскогубцами, не раз спасала нас.

Колетт всегда была нашей «спасательной» девушкой. Она может маневрировать всем, у чего есть колеса, крылья, паруса или двигатель.

— Этот лексус украли, и идентификационный чип прикреплен к кирпичу в багажнике. Я бы сказала, что у тебя три дня, прежде чем он объявится.

Я не спрашиваю о статусе человека, чью личность буду заимствовать. Когда Колетт говорит «объявится», это может означать что угодно, и, вероятно, лучше ничего не знать.

Сэм указывает на приборную панель.

— Я установил обратный отсчет. Красный дисплей высвечивает семьдесят часов.

— Думаю, ты должен отказаться от этой женщины, — говорит Колетт с обидой.

Я стараюсь казаться холодным и бесстрастным, но ее не одурачишь.

— Синдикат доберется до меня. Джованна — единственный шанс очистить мое имя. У меня нет будущего, если Мстительные все узнают и не поддержат меня.

Сэм наклоняется вперед.

— Джованна пропала год назад. Никто не может выследить ее, даже Синдикат.

— Это невозможно.

— У нее точно есть друзья в высокотехнологичном мире.

Колетт сжимает мою руку.

— Мы будем помогать, чем сможем. Все письма отсканируются и будут в системе.

— Спасибо. — Колетт всегда помнит каждую мелочь.

— Мы приближаемся к нашему рандеву с клонами. — Она касается желтой кнопки на экране. — Ты можешь изучить письма здесь. Возможно, возникнут какие-то идеи.

Сомневаюсь, что узнаю больше, чем в тюрьме, но от нечего делать, изучаю странную перестановку кода, что не соответствует ни одному из стилей Клауса.

— Я знаю, как вы рисковали, чтобы вытащить меня, и не забуду этого.

— Мы не позволим, — говорит Сэм со смехом в голосе.

Колетт подъезжает к небольшой заправке. Этот лексус — электрический, но на стоянке я вижу мустанг.

— А вот машина для нас, — говорит Сэм. — Ты позволишь мне вести его?

Колетт закатывает глаза.

— Я постараюсь не надоесть. — Она наклоняется и целует меня в щеку. — Будь осторожен, Джекс. Встретимся через три дня.

— Будь осторожен там, — говорит Сэм. — В сумке есть телефон. На крайний случай. Не используй его без необходимости.

Я киваю. Колетт и Сэм идут к мустангу. Двое выходят из машины и отправляются в магазинчик.

Медленно открываю пассажирскую дверь, вдыхая запах бензина и осени. Листья проносятся вдоль разбитой мостовой.

Иду к капоту автомобиля, слегка касаясь пальцами его гладкой глянцевой поверхности. Отличная машина, и она хорошо укомплектована. Я выбрался из тюрьмы и теперь моя цель — разобраться с маленьким недоразумением, на которое Мстительные отреагировали так остро. Самое время направится в безопасное место в Теннесси, и выяснить, кто выдает себя за Клауса или кто держит его в заложниках.

Кто бы это ни был, ему лучше быть готовым к моему визиту.

Глава 6

Мия

Еще один длинный, скучный вечер подходит к концу. Я чувствую себя разбитой. Наверное, это письма. А может быть, смена времен года.

Интересно, как тетя Беа провела здесь всю свою жизнь, так и не выйдя замуж, одна в этом старом доме.

Я должна быть осторожна, иначе это может случиться и со мной.

Проверяю обе двери. Крепко заперты. Не то, чтобы это имело значение. Наш маленький городок опасен разве что комнатным растениям.

Пробегаю пальцами по холодной стали. По какой-то причине у тети Беа замков в доме, чуть ли не как в Форт-Ноксе. Требуется шесть разных ключей, что открыть их все. Возможно, первое, что нужно сделать сейчас, когда она ушла, убрать хотя бы один из них. Я буду бесстрашной, как и моя мать. Я не буду сидеть взаперти.

Возвращаюсь в свою маленькую спальню. Там нет ничего, чтобы остановить меня от повторения судьбы моей тети. Пока что.

Включаю свет. Опрятная комната: гладкое вязаное покрывало на кровати, небольшой комод и плетеная прикроватная тумбочка. Немного памятных фотографий из средней школы до сих пор висят на стене. Я была президентом шахматного клуба.

Да, самая скучная жизнь.

Кроме... писем. Я убрала самые старые в деревянную шкатулку. Провожу пальцем по резьбе крышки. Может, перечитать их снова? Так необычно говорить обо всем, о зависимости и использовании морских терминов. Так интригующе и сексуально... и странно.

Ложусь на кровать, представляя человека, который пишет их. Джек Де Лука.

Он горбится над металлическим столом с разбросанными бумагами и ручками? Не удивлюсь, если у него есть книга об узлах, которую он читает перед тем, как написать или он знает, о чем пишет, потратив не один год на их изучение.

На конверте всегда значится имя «Клаус». Каждое письмо начинается с широкой «К». Кто бы то ни был К. Клаус, Джек пишет ей. Кейт? Кэтрин? Карен?

Когда я нашла первое письмо в почте тети, то отложила его в сторону, планируя вернуть. Но проходили недели, и однажды, разыскивая недостающий документ, я случайно открыла конверт. Когда я прочитала первую строчку, меня зацепило. Я взяла новую стопку, и конечно же, нашла второе письмо.

Я читала их, снова и снова. Письма сделались личными скорее из-за узлов, поскольку при прочтении, думала, что они предназначались для меня.

И они были настолько сексуальными. Я никогда не читала ничего подобного. Это как если бы они открыли некую скрытую часть меня. Запретную. Горячую. Захватывающую.

В один из свободных дней, поехала в местную библиотеку и, скрываясь за папоротником, открыла самую популярную книгу о зависимости — *«Пятьдесят оттенков серого»*, — стараясь убедиться, что, возможно, адресат писем копировал содержание оттуда.

Но нет, слова были его собственными.

Я бы никогда не написала ему, если бы не наткнулась на фотографию на стене. Мама, такая красивая и храбрая, бесстрашная и полная приключений. Сколько вреда может нанести письмо? И разве это не хорошо? Я бы облегчила участь бедных, лишенных свободы душ.

Очевидно, К. Клаус лгала ему о своем местонахождении, ведь этот адрес был собственностью моей тети десятилетиями. Она, вероятно, дистанцировалась после суда.

Я смотрю на имя арестованного. Я нашла очень мало. Никакого ареста. Нет преступления. Просто небольшая заметка о его прибытии в тюрьму Ридли. Нет фотографии. Лишь его возраст — 37 и город где он родился — Атланта. Тоже южанин. Он будет сидеть пятнадцать лет из шестидесяти. Прошел только год.

Конечно, если он сделал что-то действительно страшное, об этом рассказывали в новостях. Вероятно он из белых-воротничков, уклонялся от налогов или отмывал средства, и компания сохранила это в тайне, чтобы не огорчать акционеров.

Или так я сказала себе.

Мои первые попытки написать ему заканчивались неудачей. Я не могла преподнести узлы в сексуальной манере. Так что начала копировать его письма, а затем переставлять предложения и переключаться на узлы. Результат мне понравился, так что я отправила первое письмо.

Собака Ширли издает длинный, ужасный вопль в ночи. Роуди редко шумит, так что я могу услышать все, что творится на дороге. Вой сопровождается лаем, потом он замолкает. Пес, должно быть, пытался справить нужду во дворе, и для него это не особо приятно после кастрации. Бедняга.

Я расслабилась и откинулась на спинку кровати.

Смотрю на шкатулку с письмами, размышляя, прочесть ли мне еще одно перед сном. Возможно, мои мечты будут наполнены Джеком Де Лукой и его скользящими узлами. Я поднимаю руку, и рукав моей старомодной ночной рубашки скользит по локтю. Хихикаю, представляя свое запястье, привязанное к спинке кровати. Широко расставляю лодыжки. Они не достают до ручек кровати.

Я не из тех девушек из БДСМ романов.

Но Джекс не знает этого.

Я беру в руки карандаш и записываю идею, только что пришедшую от моих движений на кровати. *«Ты раздвигаешь мои лодыжки с такой силой, что мое платье распадается на лоскутки вокруг моих обнаженных бедер».*

Содрогаюсь при мысли об этом. Теперь будет трудно заснуть. Я кладу карандаш и бумагу обратно на тумбочку и выключаю свет. Ночью темно и тихо, я привыкла к этому. Завтра постараюсь разобраться в своей жизни, выяснить, каким будет мой следующий шаг. Где-то там есть будущее для меня. Просто я никогда не планировала его.

Мои веки тяжелеют. Некоторое время, я дрейфую в полусне. Мысли занимает содержание писем... Прохладный шелк крепкой верёвки скользит вокруг моего запястья. Скольжение простыни по моему телу.

И я просыпаюсь.

Яркий свет.

Мои руки обездвижены.

Оба запястья плотно привязаны к спинке кровати.

Грудь и живот крест-накрест пересекает красная веревка поперек белого халата.

Одна лодыжка привязана к ручке у основания кровати.

Вторая нога висит в воздухе, придерживаемая рукой.

Рукой в бледно-сером костюме.

Костюм принадлежит мужчине с неряшливой бородой и темными, непроницаемыми глазами.

— Добрый вечер, — басит он.

О Боже. Кто это?

Я не могу говорить. Я не могу дышать.

Моя ночная рубашка поднимается вверх, обнажая ногу. Мужчина закидывает лодыжку себе на плечо.

Я начинаю учащенно дышать, и моя грудь вздымается. Этого не может быть. Не в моем городе. Не со мной. Это сон. Плохой сон.

Я стараюсь смотреть на мужчину, заглянуть в его глаза.

Он терпеливо ждет, когда я полностью проснусь.

Это не сон. Мужчины в модных костюмах не будут ждать, пока ты проснешься.

— Кто... вы? — спрашиваю я, наконец.

— Я думаю, вы знаете, кто я. — Он тянется за пачкой писем и швыряет их мне.

— Джекс?

— Единственный и неповторимый.

— Но вы же в тюрьме. — Мои глаза блуждают по моему телу, веревкам, письмам и его худому телу в шелковом костюме.

На его лице появляется кривая усмешка.

— Больше нет.

Глава 7

Джекс

Я крепко держу женщину за лодыжку. Она шпион? Мститель? Контрразведка? Она не обучена как оперативники, которых я встречал.

Кроме одной.

Джованна.

Мысль о ней вызывает в моей душе гнев.

Медово-каштановые волосы разметались по подушке. Ее страх ощутим. Такой осязаемый. Или это показное? Ее испуг включает мои защитные инстинкты. Нужно отпустить их, чтобы сохранить контроль.

Будь все проклято. До Джованны я был на вершине синдиката и не знал об этой ступени обучения. Но сейчас я отошел от этого. Я уязвим.

Прерывистое дыхание. Она слишком часто дышит.

Так убедительно.

— Скажи на кого ты работаешь.

Ее глаза удивленно смотрят на меня.

— Я не работаю, — хриплый голос. — Я ухаживала за своей тетей.

— Кто она?

Девушка пытается сказать, но ее горло сжимает спазм. Хороша. Мне нравится ее лодыжка. Мешает лишь старомодная ночная рубашка.

Активируя кобуру в рукаве и тонкий кинжал падает в мою руку. Я разрезаю ночнушку до колена.

Девушка вскрикивает. Ее лицо краснеет, а глаза испуганно наблюдают за мной.

— Моя тетя, Беатрис Карина, — выпаливает она, — умерла две недели назад.

— Кто ее убил?

— Никто. У нее случился еще один инсульт.

— Предполагаю, ты не хочешь назваться. — Я крепко сжимаю ее лодыжку, зная, что останутся синяки. Ей больно, но она даже не вздрагивает. Хорошо подготовленная девочка.

— Я Мия. Мия Морроу.

Я отпускаю ее ногу и рывком подхожу к чехлу с обновленным Сэмом идентификатором. Интересная история, даже с перекрестными ссылками. Пункты выстраиваются на экране. Я наблюдаю за девушкой. Она может быть достаточно опытной и выбраться из пут.

Хотя они ей идут. Малиновая веревка на кружеве и хлопке заставляет закипать мою кровь. Все же год воздержания... Несмотря на информацию, которая мигает на идентификаторе, мои глаза небрежно скользят по лодыжкам, тонким икрам, гладким коленам и мягким бедрам. Мне хочется разрезать больше материала на ней.

Однако сейчас я должен оценить ее навыки. Явно не спортивная. Так что, не обучена военным действиям или борьбе. Что ж, ее действия выкажут ее. Хитрая. Хорошо владеет речью.

Черт, я отвлекся на ее кожу. Они прислали новую Джованну, новую девицу в беде. Притворная невинность. Думают, я снова попадусь.

Ярость охватывает меня.

— Ты лжешь, — рычу на девушку. В идентификаторе, который показал список хозяев конспиративной квартиры, указана Джорджиана Паверс из синдиката Мейсона Диксона. Она освободила дом всего полгода назад.

Женщина пытается сесть, но у нее выходит и она падает обратно. Ее бедра оголяются. Я вновь отвлекаюсь. Они послали ее специально для меня. Она соответствует моему вкусу. Медовые волосы. Миниатюрная. Умелая.

— Посмотри в бумаги, — выкрикивает она. — Ее похороны проходили в баптистской церкви. Она была всей моей семьей.

Я игнорирую ее слова. Завтра будет следующая Мия и этот женский образ. И хотя сейчас она не врет, но это не ее история. Это чистый лист. Она стерта. Никаких имен и полов.

Такая же, как Джованна.

Я в ярости.

— Ты скажешь, — говорю я и провожу кончиком кинжала вдоль ночнушки, увеличивая разрез до середины бедра. — Кто ты на самом деле?

— Мия! — Она плачет и пытается спрятаться за подушкой, будто та сможет защитить от меня.

— Кто писал письма?

Она замирает, на ее лице проступает стыд.

— Я. Я не должна была. Я притворилась К. Клаус.

Это заставляет меня смеяться с такой силой, что девушка дрожа отодвигается и ударяется о спинку кровати.

— Хотя знаешь, кто такой Клаус? — спрашиваю я.

— Я предположила, что это была женщина, которую ты любишь.

Прячу кинжал назад и ставлю ногу в наполобированном ботинке на основание кровати. Наклоняюсь и кладу руку женщине на колено. Не знаю, что за девчонка эта Мия, но она не представляет для меня угрозы.

— Клаус — мой партнер. Он был в этом доме, в безопасности, по моему поручению. Письма были для него.

— Ты... любишь мужчин? — спрашивает она, все еще ничего не понимая.

Я убираю ногу и поворачиваюсь к ней. Она пытается прикрыть ногу рубашкой, как бы намекая на свою скромность.

Однако. Я знаю девушек, которых так обучают. Невинные жертвы. Эти акулы хотят заманить тебя, при этом прикидываясь новичками в бассейне.

Но она отвечала моим кодом, а значит, знала, что делает, хотя и неправильно истолковала узлы.

Я покажу ей, что раскусил эту игру и что я не Мститель, с которым можно шутить. Мы закончим эту маленькую шараду здесь и сейчас.

Я присаживаюсь рядом с ней. Ее дыхание снова ускоряется. Письма по-прежнему валяются на кровати. Я вижу лист с одинокой строкой.

— Новое? — спрашиваю я. — Для меня?

Она не отвечает, просто сидит и наблюдает. Взгляд лисицы. Похоже что-то назревает. Возможно, я позволю ей думать, что она соблазняет меня.

Я забираю письмо.

— Посмотрим, что же за мысли были у сладкой Мии на этот вечер? — Я подношу бумагу к свету. — М-м, мне это нравится. «Ты раздвигаешь мои лодыжки с такой силой, что мое платье распадается на лоскутки вокруг моих обнаженных бедер».

Я перевожу взгляд на ее бедра.

— Думаю, нужно сделать это.

В ее глазах испуг. Хорошо обученная маленькая актриса. Жду, что будет дальше. Что же ты умеешь? Я уже представляю эти стройные ноги, обнимающие меня.

Беру ее ночнушку и разрываю до талии. Узкие бедра в простых белых трусиках. Провожу пальцами по краю. Ее дыхание сбивается. Хороша. Я почти верю.

— Какое прелестное нижнее белье.

Ее зеленые глаза блестят от слез. Отличная игра.

— Собираешься сказать мне, что ты девственница? Надеюсь, ты знаешь, что девственную плеву можно восстановить хирургическим путем так много раз, что потеряешь ощущения.

Ее рот раскрывается в шоке. Будто она не знала.

— Твоя ночная рубашка напоминает мне одну из моих любимых книг. «*Маленькие женщины*». Читала?

Она отрицательно качает головой.

— Жаль. В этой книге такие сильные женщины. Ты считаешь себя сильной?

Она снова качает головой.

— Очень плохо. Потому что мы собираемся выяснить, из чего ты сделана.

Когда я разрываю ее ночную рубашку, она кричит.

Глава 8

Мия

Я в аду.

Я заслужила этот ад за ложь. За слова, написанные ему. Слова, ведущие его дальше.

Я хотела бы никогда не видеть эти письма. Никогда не думать о них. Никогда не отвечать на них.

Я не могу смотреть на то, как он разрезает мою ночнушку. Зажмуриваюсь изо всех сил, потому что это слишком страшно. Я знаю, что он смотрит на меня. Воздух коснулся моих бедер и живота. Я стесняюсь. Никто и никогда не видел меня обнаженной.

Узлы на моих запястьях хорошо завязаны, и чем больше я двигаюсь, тем плотнее они удерживают меня.

Я не признаю узлы, охватывающие мое тело. Это не морские узлы. Что-то явно предназначенное для других целей. Мне не нужно смотреть на них, чтобы помнить, как они выглядят. Кроваво-красные веревки, перетягивающие мои груди и ребра, это не то, что можно легко забыть. Они впечатываются в мой мозг.

Я не открываю глаза. Не хочу смотреть на свою изуродованную ночнушку. Он использовал мои же слова против меня, разрезая рубашку на куски, как будто мы были ссорящимися любовниками.

От холода по всей моей коже появляются мурашки. Мне не столько стыдно, сколько страшно. Кровать прогибается, когда он придвигается ко мне. Я предполагаю, что сейчас он возьмет меня и будет делать все, что захочет. Предположу, что он сделает с моей девственностью — как он назвал это? Восстановление девственной плевы?

Откуда взялся этот человек?

Я не знаю, убьет ли он меня. Он хорошо одет для убийцы, разговаривает как джентльмен, даже когда обвиняет во лжи. Джекс Де Лука. Кто он? Как он выбрался из тюрьмы?

Он предположил, что моя тетя была убита. Такова, наверное, его жизнь.

Проходит мгновение, но ничего не происходит. Мои бедра устали от того, что я сжимаю их. Он ничего не будет делать?

Теперь я не уверена, что чувствую. Разочарование? Конечно, нет. Но мне становится легче. Страх отступает. С осторожностью, я открываю один глаз.

Джекс изумленно смотрит на меня.

— Это все, что ты можешь? Бояться? Ты прошла, по крайней мере, один этап обучения, если находишься в этом доме.

Я не знаю, о чем он говорит. Мои бедра сводит судорогой, и я вынуждена расслабить ноги.

— Ты весьма убедительно кричала, но я ожидал чего-то более... эротичного.

Гнев нарастает во мне. Какого черта ему нужно? Грандиозного соблазнения?

— Я не в том состоянии, чтобы позаботиться о вас, — касаюсь пальцами веревок.

Он снова смеется, но уже не так громко. И это... очаровывает.

— Так ты пишешь об узлах, но не можешь выбраться из них?

Я, наконец, набираюсь смелости, чтобы взглянуть на свое тело. Мои бедра проглядывают сквозь клочки белой ткани. Мои трусики полностью видны. В таком виде я больше похожа на проститутку. Мое лицо горит от смущения. Я снова пытаюсь сжать ноги и мне плевать на судорогу.

— Ты была права насчет ночнушки, — говорит Джекс. — Она слишком неудобна для этого. — Начатое письмо лежит между нами как обвинение. — Я зафиксировал их для тебя.

Его глаза скользят по моему телу и останавливаются на моей груди. К счастью, ткань ночнушки довольно плотная и скрывает то, как возбуждаются мои соски под его взглядом. Теплая волна охватывает меня. Несмотря на происходящее, я чувствую, как некоторые части меня просыпаются впервые.

Что-то пищит в углу комнаты. Мы оба поворачиваемся.

Джекс идет к комоду и достает небольшой овальный прибор.

— Что это? — спрашиваю я.

Он некоторое время смотрит на него.

— Этот дом находится под угрозой, — мрачно говорит он. — Хорошо, что я кое-что предпринял.

— О чем ты говоришь?

— Ты будешь отрицать до конца. — Он качает головой и тянется к веревкам на моих запястьях. Мгновение и моя рука падает на кровать. Я не могу даже двигаться, так что жду, когда восстановится кровообращение.

— Ты меня отпускаешь? — спрашиваю я, когда он тянется к моей второй руке. Он пахнет деньгами, дорогими вещами и роскошными автомобилями. Я стараюсь подавить желание глубоко вдохнуть его аромат.

— О нет. Ты идешь со мной. — Он развязывает мои лодыжки.

Как только мои ноги свободны, я сжимаю колени. Он наклоняет голову.

— Немного поздновато для скромности.

Я прикрываюсь руками, как щит.

Джекс смеется.

— Если я распознал твой тип, то очень скоро мы познакомимся и с интимной стороны. — Он наклоняется и хватает меня за подбородок. — Я рад воспользоваться навыками, которые ты хотела проверить на мне, но не думаю, что твоя хитрость действует во всех ситуациях.

Его лицо приближается к моему, пока между нами не остается меньше сантиметра. Не могу дышать, его губы слишком близко. Если я потянусь вперед, то смогу поцеловать его, почувствовать щетину на его щеках. Я хочу этого. Мне плевать, что он сделал, что он вломился в мой дом и связал меня. Я хочу этого поцелуя.

Я схожу с ума. Он опасен. Он преступник.

Я не хочу этого. Я не хочу его.

Он отстраняется и дергает веревки на моих запястьях, затем заводит мои руки за спину и фиксирует их, привязывая к моей талии. Веревка издает шипящий звук, когда он тянет за нее. Меня пробивает дрожь. Я не должна чувствовать влечение к этому человеку. Стараюсь вызвать в себе гнев и страх, но горю от его близости и того, что он делает все в соответствии с письмом.

— Ты можешь встать? — спрашивает он.

Я придвигаюсь к краю кровати, и мне удается встать. Разорванная рубашка падает вокруг моих ног.

— Почти совершенна, — говорит Джекс и его рука касается воротничка ночнушки. — Но не будем забывать кто ты такая. — Он тянет за завязки, грозясь оторвать их. — Так больше похоже на лисицу, которую я ожидал увидеть.

Я не обижаюсь. Он прав. Я писала ему об этом. О своих желаниях. Он лишь делает то, о чем я просила. Просила привязать меня, обращаться как со шлюхой. И грубо и страстно взять меня, пока я не закричу.

Боже. Что будет дальше?

На мгновение его пальцы скользят вдоль моей ключицы и спускаются к ложбинке между моих грудей.

Я едва могу дышать, разрываясь между страхом и влечением. Он мог сделать уже что угодно, но пока ничего. Я не знаю, что думать о нем. Джентльмен или мошенник? Убийца или герой?

Прибор начинает пищать все чаще.

— Время летать, — говорит он, берет конец веревки и ведет меня за собой, будто рабыню. У меня нет возможности оглянуться назад. Независимо от будущего, которое я себе планировала, ложась спать прошлым вечером, — его больше нет.

На данный момент, кажется, я принадлежу Джексу.

Глава 9

Джекс

Я таскаю Мию за собой по всему дому. Я уже прошел большую его часть. Помимо аварийного выхода, который выглядит нетронутым и скрыт под полом кладовой, нет ничего, что указывало бы на Мстителей.

Детектор в спальне старый, ему больше десяти лет. Тем не менее, он указывает на то, что дом безопасен и находится под контролем.

Эта женщина должна знать.

Нигде нет ни одной подсказки о возможном местонахождении Клауса. Куда он ушел? Пустился вслед за Джованной? Или она поймала его и оставила эту девку, чтобы заманить меня в ловушку? Я вспыхиваю при этой мысли. Джованна должно быть считает меня совершенно глупым, если думает, что я поведусь на это.

Снова.

Я дергаю за веревку, и Мия возмущенно вскрикивает:

— Эй!

— Если хочешь, я буду тебя тащить. Но это тебя не обрадует. Так что предлагаю не отставать.

Она смотрит на меня, и ее взгляд меняется. Этой девочке не чужда жесткость. Я собираюсь изучить все аспекты ее подготовки и личности. И я получу нужную мне информацию, так или иначе.

Мы пересекаем гостиную, и я понимаю, что Клаус все-таки на воле, но Джованна, очевидно, знала, что он был здесь. И оставила Мию следить.

В записях сказано, что полномочия сдали шесть месяцев назад. Незадолго до моего первого письма Клаусу. Я собираю пазлы в своей голове. Силовой уход, мое письмо, Миа перехватывает его и отвечает за Клауса.

Ловушка для получения информации через письма или лично.

Умно, Джованна. Но ты просчиталась. Твоя девочка плохо поработала.

Я останавливаюсь около задней двери и выглядываю в окно. Никого.

Смотрю на Мию. Она смотрит на меня широко распахнутыми зелеными глазами. Я наматываю веревку на свой кулак и вытаскиваю нож. К ее чести, она не дрогнула, пока я срезал клочья ее ночной рубашки.

— Повернись. — Она слушается, и я мельком вижу ее бедра, пока полосы ткани скользят за ее движениями.

Это фокус, Джекс.

— Замри. — Я запикиваю кляп ей в рот. Достаточно плотно, чтобы она не могла говорить, но и достаточно свободно, чтобы не порвать ее щеки. Я не могу позволить ей предупредить союзников до нашего отъезда.

— Сейчас мы немного прогуляемся. Нельзя медлить. Я не шутил насчет тебя — буду тащить, если понадобится. Кивни, если поняла.

Миа кивает и дрожь проходит через все ее тело. Хорошо сыграно. Мне почти жаль ее.

Почти.

У двери я берусь за ремешок прибора ночного видения. Жаль, что у меня нет трассера. Вести автомобиль по полю опаснее, чем идти в открытую. Множество возможностей для тех, кто нас еще не заметил.

Нет времени, чтобы беспокоиться об этом сейчас.

Миа что-то бормочет и показывает ногами на кроссовки у двери. Моя первая мысль — пойдет босиком, но камни и коряги могут порезать ноги. Это замедлит нас и оставит кровь.

Я киваю, и она обуздывается. Затем мы выходим на крыльцо. Идем через темный двор в поле. Никаких открытых пространств. Я сканирую местность. Ничего не движется, но я не доверяю своим чувствам.

Предупреждение сигнала устройства безопасности в доме могло ничего не значить. Кто-то его закрыл. Кто-то был там. Или просто наблюдает. Это старая модель. Клаусу нужно обновить его.

Но он почему-то не смог.

Мы идем так быстро, как позволяет грязь под ногами, но все равно это медленнее, чем хотелось бы.

Мия несколько раз спотыкается и падает, но я заставляю ее двигаться дальше. Ее дыхание срывается, когда мы достигаем деревьев. Еще немного и мы у автомобиля на грунтовой дороге, быстрое нажатие на часы открывает дверцы. Я толкаю девушку на заднее сиденье и протягиваю веревку через крючки вдоль спинки сиденья.

Только когда мы оба в машине, я вытягиваю ее кляп. Мия кашляет и разминает свою челюстью.

— Ты не должен был затыкать меня, — говорит она с возмущением. — Я вела себя тихо.

— Конечно.

Не включая фар, с помощью прибора ночного видения я маневрирую по грунтовой дороге, пока мы не выезжаем на нормальную трассу. Так едем еще несколько километров. Вокруг тихо и пустынно. Мы на довольно безопасном расстоянии, поэтому я бросаю прибор на пассажирское сиденье и включаю свет.

— Так куда мы едем? — спрашивает Мия, ее голос звучит более уверенно.

Хороший вопрос, но ответа не будет. Я начинаю сомневаться, что Клаус видел мои письма, или хотя бы первое из них. Все, что я почерпнул из ответов, было неправдой. Эта девушка не поняла код и провалила работу. Я не могу успокоиться, так как чувствую, что Клаус в беде.

Сэм и Колетт не получали от него весточек. Он стал призраком. И мои скудные ресурсы никак не могут помочь в поисках. Мне нужно больше силы. И для этого мне понадобятся Дружинники. Что ж, путешествие в логово Льва. И где у нас ближайший бункер?

Я касаюсь своих часов и голографическая карта местности отображается на лобовом стекле дисплея.

— Определить ближайший бункер для текущей позиции. — Карта уменьшается и появляется окружность в восемьдесят километров. Слишком близко. Мне нужно большее расстояние между мной и удаленным убежищем.

— Следующий результат. — Карта увеличивается и появляется второй круг на Западе в штате Миссури.

Идеально.

— Едем в Сент-Луис.

— А что в Сент-Луисе? Клаус?

Я выпускаю смешок.

— Только если мне повезет.

— А что такое силос?

— Место для хранения зерна. — В эту игру могут играть двое. — Ты же деревенская девушка, должна знать.

— Но это не тот силос, который ты ищешь, да? — говорит она. — Потому что я могу показать тебе один, если это то, что ты ищешь.

— Я хочу знать правду, Мия. На кого ты работаешь? И где Клаус?

Ее голос звенит от гнева:

— Я ни на кого не работаю! И ты тугодум, если до сих пор не понял, что я никак не связано со всем этим!

Поглядываю на нее в зеркало заднего вида. Волосы рассыпались по сидению, грудь вздымается, провоцируя меня своим видом в белом платье и красными веревками.

— Кто научил тебя вязать узлы?

Она молчит, но потом отвечает:

— Мои родители.

— Имена?

Она называет оба. Ставлю машину на автопилот и вытаскиваю Идентификатор. Ее родители выдуманы. Умерли, но, как и о Мие, о них нет записей. Трое членов семьи и все стерты. Да в этой девушке гораздо больше тайн, чем кажется на первый взгляд. Дружинники защищают личность одного из своих?

Я разворачиваюсь и смотрю на нее. Она сжимается под моим взглядом. Мои глаза исследуют ее ноги, которые теперь плотно прижаты друг к другу. Бледная кожа светится в полумраке и обрывки ночной рубашки практически не скрывают ее.

Она видит мой взгляд и пытается остатками одежды хоть как-то хоть прикрыться. О, теперь мы возвращаемся к невинности? Я ее не понимаю. Ее действия не совпадают с какой-либо подготовки протокола, о которых я знаю.

— Кто ты, Морроу Мия? Кто ты на самом деле? О тебе нет записей. И о твоих родителях тоже. И о твоей так называемой тете тоже нет. Единственный человек, кто настолько же пуст, так это особый вид Дружинников. Но ты слишком молода для них.

— Я не понимаю. Записи? Дружинники?

— Хватит. Я не куплюсь на это. У тебя врожденный навык, но тебя не подготовили к реальности. Жизнь станет проще, если ты просто скажешь мне то, что я хочу знать.

Это добивает ее.

— Я не знаю, чего ты хочешь! — Она плачет. Она пытается сидеть прямо, насколько позволяют веревки. — Я Мия, просто Мия!

Мы проезжаем одинокий дом, и она с тоской смотрит на него.

— Я не шпион! Я не знаю, кто такой Клаус и где он сейчас. Я не знаю, кто ты или чем ты занимаешься, или что я писала закодированные письма, или...

Ее голос срывается. Разорванная рубашка скользит с плеча и находится в опасной близости, чтобы обнажить грудь. Я смотрю на ее гладкую ключицу. И импульс желания проходит через меня.

Манипуляция. Нереально. Не поддавайся!

Крепче хватаюсь за руль. Мы едем в тишине, оставляя позади километры.

— Ты сказал, что Клаус был твоим партнером, — наконец говорит она.

— Да.

— Когда ты видел его в последний раз?

Еще одно ехидное замечание готово сорваться, но я пропускаю его.

— Более года назад. В ту ночь нас предали.

— Что случилось?

— Я попался.

— Нет, я имею в виду, что произошло, когда тебя предали?

— Сейчас это не важно.

— Откуда ты знаешь, что Клаус жив?

— Он оставил сообщение для меня в доме. — Я лгу. Не знаю, жив ли он. Но присутствие Мии и ее письма подскажут мне.

— Как? Моя тетя жила там много лет! Он знал ее?

— Это ты мне скажи.

— Я... А что говорится в записке? Она не даст тебе подсказку, куда идти?

— Нет, он...

Господи, Джекс. Она почти поймала тебя. Почему она задает эти вопросы? Ничего из того, что я говорю, не могло бы помочь ей. Хотя... Конечно. Во всем этом есть смысл.

То, как легко я ее захватил и наш побег. Это такой ход. Эти ее вопросы и уловки. Она хочет, чтобы я говорил, ведь кто-то может услышать.

Бью по тормозам и резко съезжаю с дороги. Мия кричит, когда машина подпрыгивает на ухабах. Я целенаправленно еду до остановки позади трактора.

Выскакиваю и дергаю ее дверь. Злость на себя и Джованну горит во мне, когда я хватаюсь за веревку.

— Выходи!

Мия выбирается настолько быстро, насколько позволяют веревки, ограничивающие ее движения. Я притягиваю ее к себе. Какая горячая кожа...

— Ты подключена, — шиплю ей в ухо.

— Что? — всхлипывает она. — О чем ты...

Я проворачиваю кулак и затягиваю веревки. Шелковые шнуры давят на нежную кожу и придушивают Мию.

— Я предлагаю тебе быть очень тихой, если не хочешь снова получить кляп. Ты меня понимаешь?

Мия кивает. Ослабляю хват, вытаскиваю нож и держу его между нами.

— А теперь слушай внимательно. Где-то на тебе есть передатчик, и я собираюсь найти его. Рекомендую стоять очень и очень тихо.

Глава 10

Мия

Я слушаюсь, и стою совершенно неподвижно. Ночная прохлада заползает под мою немногочисленную одежду. Стараюсь подавить в себе дрожь.

Резкое движение и моя ночнушка перестает быть одним целым.

Мы находимся неизвестно где. В дали от шоссе. На километры вокруг лишь пустынное поле да редкие тени от тракторов с плугами.

Он мог изнасиловать меня. Убить. Сделать что угодно.

Но как ни странно, я не боюсь. Почему-то я думаю о своей матери, её смелой открытой улыбке. Он бы точно не запугал её.

Что бы она сделала с подобной ситуации?

Посмеялась бы над ним. Она бы не показала свой страх.

Он режет ночнушку на полоски, вытягивая их из-под веревки, что пересекает мое тело крест-накрест. Быстрые и четкие движения, хлопок скользит по моей коже, словно ласка.

Я смотрю вниз, зачарованная тем, как ткань оголяет моё тело в голубоватом свете и ложится на земле у моих ног.

Джекс осматривает каждый кусок и хмурится. Его лицо выражает сосредоточенность. Он крутит в руках каждую пуговицу, рассматривает со всех сторон то, что когда-то было ночной рубашкой.

В самом конце он смотрит на мою грудь, словно это какой-то манекен. Во мне неожиданно зарождается дрожь, и она вызвана чем-то большим, чем холод. Не уверена, что когда-либо чувствовала себя более живой, чем в этом момент. Слезы и страх слетели с меня, как и кусочки моей старомодной ночнушки.

Моя мама была бы сильной.

Я отталкиваю мысли, что никак мне не помогут. Не бойся. Не плачь.

Решимость. Хитрость. Быть такой же, как в письмах. Быть той девушкой, которая писала их. Во мне есть это. Это врожденное, но я сдалась, когда умерли родители. Я могла бы стать как они, жить на грани. Но я решила наследовать тетю.

Не больше.

Джекс с подозрением прощупывает последние куски ткани. Затем быстро идет к багажнику машины и вытаскивает из чемодана какое-то маленькое устройство. Возвращается и проводит какой-то серебряной палочкой над тканью. Ничего.

Он удивлённо смотрит на меня. Я никогда в жизни не была более уязвимой — из одежды на мне лишь трусики да веревка, но я чувствую себя сильной. По взгляду Джекса я понимаю, что что-то изменилось. Его глаза задерживаются на моем теле и холод отступает, уступая место мучительно растекающемуся огню между моих ног. Глаза мужчины темнеют, но он контролирует себя.

Даже в слабом освещении я вижу, как дергается его челюсть. Я не знаю, что это значит, но этот жест заводит меня. Я хочу, чтобы он прикасался ко мне, что-то сделал со мной. Это самые безумные ощущения, которые могу себе представить.

Я больше не боюсь его.

Он делает шаг ко мне, и я жадно втягиваю воздух. Мое сердце стучит так сильно, что, возможно, он услышал его. Но он не касается меня. Палочка скользит над моей кожей, почти задевая её. Я еле сдерживаю слезы, когда Джекс касается моего плеча. И моё дыхание ускоряется ещё сильнее, когда я слышу: «Раздвинь ноги», — я не знаю, зачем ему это, но подчиняюсь и палочка скользит по моей ноге. Я хочу, чтобы он коснулся меня там. Но Джекс осторожен, и не касается трусиков или бедер.

Он отступает и скрещивает руки на груди. Но адреналин бурлит в моей крови, и я нагло говорю:

— Ты мог бы использовать свой прибор, когда я была в ночнушке.

Его смех отдается эхом в пустынном поле.

— Но так было намного приятнее. К тому же, раньше мне не попадался такой красивый новичок.

Он думает, что я красивая? Он первый человек, который говорит мне это.

Поднимается ветер, и мои волосы разлетаются в разные стороны. Поскольку мои руки связаны, я не могу убрать их с лица. Все мои мысли сейчас сосредоточены на мне стоящей посреди поля в красной веревке, и на этом опасно красивом мужчине.

Со мной происходит что-то странное. Я почти голая, я уязвима. Но я уже не та Мия, отгородившаяся от мира в своей старомодной ночной рубашке. Я женщина, попавшая в опасный переплет с незнакомцем, который связал и раздел её.

— Итак, мистер Джекс де Лука, — говорю я голосом, который мало похож на мой собственный. — Ты притащил невинную женщину в это чёртово место, и у тебя до сих пор нет ни информации, ни подсказок о пропавшем Клаусе. Что собираешься теперь делать?

Джекс продолжает смотреть на меня. Его глаза невидны в лунном свете.

— Ты нравишься мне, Мия. Очень нравишься.

Я чувствую, что горю. Мне уже нечего терять. Если он собирается причинить мне боль, то делает это. Я делаю несмелый шаг и прислоняюсь к нему.

— Тогда принеси мне какую-нибудь одежду.

Джекс смеется.

— Да, с тобой будет интересно.

Он разворачивается к багажнику и кладет прибор обратно в чемодан. Затем снимает свой шелковый пиджак и набрасывает его мне на плечи. Его рука задевает мою грудь, и она отзывается на невольную ласку. Я борюсь с этим. Никогда не чувствовала себя так, но я хочу идти туда, куда и он.

— Думаю, я оставлю тебя. На некоторое время, — говорит он и сажает меня на заднее сиденье автомобиля, но на этот раз не привязывает.

Думаю, это прогресс для нас обоих.

Кто эта девушка?

Я еду большую часть ночи, периодически поглядывая на заднее сиденье. Где-то час назад она уснула, волосы упали на её лицо.

Что-то бушует во мне, что-то раздражающее, но вызывающее интерес к ней. Прогоняю эти мысли и сосредотачиваюсь на своей цели. Я не могу просто взять и ворваться в бункер Мстителей с голой женщиной, обвязанной веревкой. Если информация о ней уничтожена, никто мне не скажет, кто она.

Я даже не допускаю мысли, что она невинна.

Обычных людей можно идентифицировать по записям в базах данных, аккаунтам соцсетей, адресам. Я могу изучить каждую пломбу в их зубах или причины плохого года в средней школе. Мстители не собирают информацию на каждого человека страны. Люди сами облегчают наблюдение за собой, оставляя за собой цифровые следы, взаимосвязь со всем, кого и что они знают.

Но Мия пуста. И её родители тоже.

Тогда я вспоминаю свою семью.

Когда они покинули систему и ушли на пенсию, их личности были стерты. Это была любезность за хорошую службу.

Но эта девушка точно в деле. Она жила в убежище.

Я потираю глаза. От меня ничему не скрыться. До Джованни и отсидки, я следующим должен был возглавить североамериканский синдикат. А это означает, что и эта красотка и дом её тетки в Теннесси, находятся на моей территории. Я должен знать всё о них. Узнать их историю, обязанности и союзников. Даже если их уничтожили. А ещё их специализацию.

И все же, я не могу.

Они могут быть агентами другого синдиката. Русских, например. Или чего-то маленького. Норвегия.

У Мии тонкие черты лица, а волосы представляют смесь каштанового и золотого.

Черт, кто же она?!

Вдали виднеются огни Сент-Луиса. Вскоре мы въедем в город. Пора решить, что делать с девушкой. Бросить? Запереть?

Но если привезти её в бункер, я могу узнать больше. Стандартная процедура на каждой базе Мстителей состоит из краткого изложения недавней деятельности: биомедицинских данных, геолокации, используемых технологий. В общем, всё.

Ты даже не сможешь сделать минет, без скрина на экране, когда проходишь их стеклянные двери.

Они расскажут мне о ней.

Я нажимаю на экран приборной панели и активирую функцию поиска.

— Найди пятизвездочный отель, — говорю тихо, чтобы не разбудить Мию.

Появился список: «Ритц-Карлтон», «Четыре сезона», «Чешир», «Мунрайз».

— «Ритц».

Нежный женский голос произносит:

— Доступен номер люкс для вип-персон.

— Беру.

— Сейчас забронирую.

Мне нужно во что-то одеть Мию. Сворачиваю окно «Отели». Ни один бутик не открыт в такое время. Смотрю на девушку. Пиджак соскальзывает с её плеча, и оголяет её груди, пересеченные красной веревкой. Снова мои мысли уходят в другое русло.

— Фетиш-бутик, — говорю поисковику.

Но список совершенно не радует меня. Секс-шопы. Дешевые взрослые магазины. Сент-Луис не готов открыть мне свои тайны.

Кто знает куда обратиться, чтобы найти одежду связанной девушке? Конечно же кто-то сообразительный, кто бы не косился бы на веревки.

— Контакт Армонд.

— Соединяю, — отвечает система.

Через мгновение лицо Армонда всплывает на экране. Его лысина отсвечивает синим, а глаза с интересом блестят под густыми бровями.

— Джекс! Ты вернулся из-за решетки!

— Не совсем.

Он бросает взгляд вниз.

— Ага. Вижу. Звонок зашифрован. Пишет, что я в Буэнос-Айресе.

— А я на Таити, — смеюсь я. — Мне нужна услуга.

— Что угодно, мой друг. — Он даже не спрашивает, как я вышел из тюрьмы.

Некоторые вещи не озвучиваются даже по зашифрованным каналам.

— Мне нужно что-то красивое, дневное, сорок четвертый размер, думаю, как для высококлассного секретаря.

Армонд рассмеялся:

— Я бы сказал, что тебе больше подойдет пятидесятый размер.

Я качаю головой.

— Смотри, а то привезу тебе мескаль.

Лицо Армонда кривится от отвращения.

— Не напоминай об этом.

Он из Халиско и его текила всегда сделана из чистой голубой агавы. И как-то мы немного поэкспериментировали.

— Кроме того, присутствует бандаж. Так что пришли мне того, кто готов участвовать в ролевой игре.

Он что-то набирает внизу экрана.

— Давай координаты.

— Помнишь, как мы нашли шесть шлюх в нарко-лаборатории?

— И до сих пор не могу забыть одну из них.

— Вот ту высокую. Как её имя?.. Не важно. Вези в моё обычное место. Люкс.

— Роджер, — говорит улыбаясь он. — Я пришлю нескольких дам с нарядом для босса и секретарши с бандажом.

— Прекрасно. — В данных вопросах Армонд эксперт.

— Что-то я не вижу серого костюма, который отправил своему французскому соотечественнику.

— Я должен был убедиться, что это ты. — Откидываю голову на спинку сиденья. — У дамы есть пиджак.

— Понял, — кивает Армонд головой. — Размер обуви?

Смотрю на заднее сиденье, стройные ноги Мии, подтянутые к коленям, и кроссовок, обещающий свалиться.

— Думаю, тридцать седьмой будет в пору.

— Отлично. Будет готово к твоему приезду. Время?

Я смотрю на карту.

— Чуть меньше часа.

— Жди.

— Спасибо, Армонд.

— Ты ведь знаешь, всегда пожалуйста. — И изображение тухнет.

— Шесть проституток? — раздаётся сонный голос Мии.

— Это код, — отвечаю я, хоть и не должен.

Она выпрямляется и волосы спадают ей на плечи. Черт, она сексуальна. Невинность в паре с искушенностью. Никогда не встречал никого, похожего на неё.

— Мы почти приехали. Я забронировал отель.

Она смотрит на себя и хмурится.

— Не думаю, что им понравится моё дефиле в пиджаке и веревке.

— У меня есть свой вход.

— Конечно же, — бормочет она и дергает головой, пытаясь откинуть волосы назад.
— Как долго ты будешь держать меня связанной?

Я ставлю машину на автопилот и поворачиваюсь к ней. Пиджак расходится на её бледных бедрах, резко контрастирующих с черным кожаным сиденьем. Колени плотно сжаты. Она без макияжа и выглядит словно ангел, со спутанными волосами.

Желание стянуть пиджак и посмотреть на неё снова слишком сильно. Мысленно убеждаю себя, что во всём виновно лишь долгое воздержания. Я никогда не попадусь на крючок соблазнительницы-недоучки.

Когда я наконец смотрю ей в лицо, понимаю, что она знает направление моих мыслей. С неё будто слетел налёт невинности. Я жду, что она приглашающе расставит коленки, прогнёт спину и поманит меня своей грудью. Но нет, она просто смещается на сиденье, пытаясь растереть связанные запястья.

— Как долго ты будешь в таком положении, зависит от того, насколько честно ты будешь сотрудничать, — говорю я и отворачиваюсь. Ради неё и себя.

Мне нужно вернуть себе контроль, а девушка не помогает этому.

Глава 12

Мия

Должно быть так поступают знаменитости.

Джекс ведет машину к какому-то странному маленькому заднему входу в отель. У него тоже есть крошечный навес и даже швейцар, который должен встречать всех богатых и знаменитых.

Двери распахнулись, но никто даже не взглянул на меня, идущую в пиджаке с тянущимися по спине веревками. А еще мне показалось, что швейцар подмигнул Джексу!

Невероятно!

Когда мы установились у «Ритц-Карлтона», Джекс сказал, если я пообещаю вести себя тихо, то он не вставит мне кляп в рот. И что богатые мужчины, привозящие женщин, одетых рабынями, обычное явление здесь. Так что никто не обратит внимание на мои слова о том, что меня похитили.

Не уверена, что верю ему, но не горю желанием демонстрировать кому-либо этот наряд. Поэтому соглашаюсь. Кроме того, Джекс закрепил какое-то устройство на моем горле, которое, по его словам, предупредит, если я вздумаю кричать. И у него будет время что-то предпринять, но он не говорит что.

Я прохожу неприметные двери и оказываюсь в тихом зале, а затем в небольшом лифте. Через несколько секунд перед мной открывается большая белая дверь с золотой ручкой, и я захожу в самый роскошный гостиничный номер, который когда-либо существовал.

Я ошарашена. Здесь есть фонтан! Фонтан в центре гостиничного номера!

Белые диваны расставлены у больших французских окон. Золотые занавески. Всюду вазы со свежими цветами. Огромный мраморный камин.

Прохожу дальше. Джекс бросает красную веревку, и она тащится за мной по полу. Пересекаю мягкий ковер и останавливаюсь около дверей спальни. Нет, не пойду туда.

Но затем я замечаю дверь, ведущую в ванную с двумя туалетами. Их что, действительно два? Два?! Быстро направляюсь к ним.

Только когда я оказываюсь рядом с фарфоровым спасителем, то понимаю, что мои руки все еще связаны, и я ничего не могу сделать со своими трусиками. Тем не менее, мне так сильно хочется помочиться, что я начинаю извиваться взад-вперед, пытаюсь снять нижнее белье.

Джекс входит в ванную и с забавной улыбкой на лице опирается о дверной проем:

— Нужна помощь?

Со злостью топаю к двери и пихаю ее плечом, но он останавливает ее ногой.

— У нас посетители. И они могут помочь.

Он указывает на вторую дверь в спальню, где две дамы сидят на причудливых стульях. Рядом с ними большой открытый чемодан, в котором множество платьев, брюк и свитеров.

— Кто они? — шепчу я.

— Они здесь, чтобы следить за тобой. И думают, что я нарядил тебя так для ролевой игры в босса и секретаря.

Я бью его, но он ловко уклоняется.

— Она злая, — говорит он женщинам. Те улыбаются и кивают. Обе они темнокожие и красивые, с ухоженными волосами, в стильных брючных костюмах с броскими шарфами. Одна из них встает и подходит к двери.

— Я Эмма, — представляется она. — Вам нужна ванна?

После раздевания посреди поля, эта фраза звучит просто невероятно. Я немного выдвигаю вперед бедро, чтобы показать красные веревки.

— Я немного ограничена вот этим.

Эмма смотрит на Джекса.

— Мы должны развязать ее для ванны?

Он поворачивается ко мне.

— Я сам сделаю это.

Я испуганно отступаю назад.

— Забудьте. Мне просто нужно пописать.

Эмма входит в ванную и закрывает дверь. Это Джекс допускает. Она поворачивается ко мне.

— Я помогу, — говорит она, не меняя выражения лица. Настоящий профессионал. Интересно, какие сумасшествия она видит ежедневно.

Эмма поднимает крышку одного из унитазов, и я понимаю, что у другого нет крышки. Они разные. Я смотрю, вытягивая голову, чтобы понять, что она делает.

— Это биде, — говорит Эмма. — Вы не видела такого раньше?

Качаю головой.

Она улыбается. Ненавижу. В такие моменты я чувствую себя деревенщиной. Джекс плохой.

Я никогда не ходила в туалет перед кем-то, но, видимо, сделаю это сегодня. Я подхожу к стульчаку, и Эмма наклоняется, чтобы спустить мое нижнее белье.

— По крайней мере, вы не связаны там! — говорит она.

И это хорошо, думаю я. Сажусь и понимаю, что сиденье теплое. Безумие! Сиденье с подогревом.

Эмма разворачивается к полотенцам на стойке, создавая видимость приватности. Интересно, стоит ли сказать ей, что меня похитили. Бравада, которую я показала в поле, уже давно прошла и я хочу домой. Джекс очень непонятный, он сумасшедший. И это смущает. А теперь он еще и позвал свидетелей.

— Вы уже работали с Джексом? — спрашиваю я.

Эмма пожимает плечами и расставляет какие-то флакончики на краю ванны. Ого, будет роскошь. Возможно, я смогу убежать, не сказав ей ничего.

— Вся эта ролевая игра — какая-то глупость. Как думаешь, ты смогла бы развязать меня для принятия ванны? Я смогла бы побыть сама.

— Нет, мэм. Без приказа Джекса — нет.

Черт! Я начинаю вставать и осознаю, что даже не могу потерпеться. Вот черт! Но с невозмутимостью медсестры, Эмма берет кусок туалетной бумаги, подтирает меня насухо и сливает туалет.

Я закрываю глаза, когда она возвращает мои трусики на место. Пытаюсь примирить мою текущую жизнь с той, которая у меня была всего несколько часов назад. Я не понимаю всего этого, не вижу связи. Все, что мне приходит на ум, это воспоминания о моей матери и ее беззаботное выражение. Будь как она, говорю себе. Будь храброй.

Когда я снова открываю глаза, Эмма терпеливо ждет.

— Думаю, вам понравится наш выбор, — говорит она.

Одежда. Наконец-то она изменится. Я буквально чувствую, как веревки натирают мои ребра.

Я следую за Эммой в спальню. Вторая женщина уже разложила несколько нарядов. Джекса нет в комнате. Мы одни.

Решаюсь.

— Меня похитили, — говорю я быстро. — Пожалуйста, позвоните в полицию. Меня зовут Мия Морроу.

Женщины переглядываются и вновь смотрят на меня.

— Мы понимаем, — говорит Эмма. — Мы проследим, чтобы полиция выехала к вам.

Затем они невозмутимо начинают обсуждать, какой шарф будет лучше сочетаться с синими брюками.

— Вы слышите? — говорю я шепотом. — Джекс похитил меня из моего дома! Я живу в Теннесси.

Они смотрят, улыбаются и продолжают рыться в маленькой коробке с нижним бельем. Эмма вытягивает красные стринги и другая одобрительно кивает.

Джекс появляется в дверном проеме, с бокалом в руке.

— Все в порядке? — спрашивает он.

— Отлично, мистер Де Лука, — говорит Эмма. — Но ваша дама просила нас позвонить в полицию.

Я хочу топнуть ногой. Твари!

— Она что? — Он подходит ко мне. — Возможно, мне придется наказать тебя за это. Должен ли я отшлепать тебя?

Женщины сжимают губы, чтобы скрыть улыбки.

Боже!

Джекс играет с пуговицей пиджака, будто собирается оторвать ее.

— Я не подумал об этом, — говорит он так, словно мы были давними любовниками. — Так я отпущу дам?

— Нет! — говорю я быстро. — Мы подбирали одежду.

Он делает глоток, и я чувствую сочный и дорогой запах виски. Мои глаза фокусируются на янтарной жидкости, в которой плавают идеальные кубики льда.

— Хочешь?

— Я не пью.

Он одобрительно кивает.

— Мои секретари нравятся мне трезвыми. За исключением, может быть, данного момента. — И прижимает холодное стекло к моим губам. — Просто для вкуса.

Он наклоняет бокал, и я глотаю, чтобы напиток не потек по моему подбородку. Это чистый огонь, напоминание о горечи и намек на грядущую сладость.

Я проглатываю, чувствуя, как виски спускается в мой живот, и тепло быстро распространяется по моему телу.

— Что это было? — спрашиваю я.

Джекс поднимает бокал к свету.

— Он старомодный. Как и я.

— Вряд ли. — Я тяну руку, чтобы вытереть губы, забыв, что мои руки связаны. Джекс замечает мой жест и подносит большой палец к моему рту. — Ты кое-что

пропустила, — хрипло говорит он. Он легонько проводит пальцем по моим губам, а затем подносит его к своему языку. — Вкусная.

Мое сердце пускается вскачь. Ярываюсь между старой Мией, наполненной паникой и страхом, и новой Мией, мужественной и сильной. Будет ли этот мужчина обижать меня? Или он возьмет меня в новое потрясающее место?

Я уже сожалею о том, что попросила вызвать полицию. Я хочу его. Это трудно принять. Но...

— Я бы хотел увидеть ее в одном из твоих нарядов, — говорит он Эмме. — Можешь развязать ее.

И прежде, чем я успеваю что-то сказать, Эмма расстегивает и стягивает с меня пиджак Джекса. Глаза мужчины скользят по моему телу, по красным веревкам, по моей груди. Мое дыхание ускоряется.

Женщины приступают к работе. А я вздыхаю с облегчением, когда Эмма развязывает мои запястья.

Джек пьет свой напиток, с интересом наблюдая за происходящим. Я не знаю, что делать. Чувствую сумасшедшее желание. Веревки скользят по телу и падают на пол.

— У тебя есть для нее другие трусики? — спрашивает он Эмму.

— Конечно. Мы меняем эти?

Я вдыхаю. Никто никогда не видел меня голой. Но мои соски заостряются, а нервное возбуждение, проходит сквозь меня, словно электрический ток.

Это подавляет. Пальцы Джекса дергаются, будто он хочет протянуть ко мне руку, сорвать с меня последний клочок одежды.

Чувствую себя потерянной. Я не знаю, чего хочу. Чтобы он ушел или продолжал оценивать меня, словно волк перед нападением на добычу. Моя кожа зудит от нетерпения.

— Она красивая, не так ли? — говорит он женщинам, те кивают в знак согласия.

Эмма стягивает мои трусики и Джек резко вдыхает, словно скрывая какой-то другой звук. Он скрывает свое желание. Я чувствую это. Я вновь чувствую всплеск власти. Этот человек хочет меня. Никто никогда не хотел меня.

Это чувство поглощает, оно пьянит больше, чем виски. Затягивает больше, чем письма. На мгновение вспоминаю его слова, на бумаге. Это с них все началось.

Почему я тогда ответила? Я действительно хотела этого? Опасный заключенный сбежал и похитил меня, чтобы заполучить меня?

Я получала именно то, что хотела.

— Приведи ее, когда она будет одета, — говорит он будто ему становится трудно сдерживаться и возвращается в гостиную.

Я не хочу, чтобы он уходил. Еще нет.

— Эй, — говорю я. — Могу ли я принять ванну?

Джек оглядывается, оценивает меня, и мое тело пронизывает иглами. Боже, это похоже на наркотик. Я хочу, чтобы он продолжил смотреть и хотеть меня. Я никогда не чувствовала себя настолько сильной.

Его хрустящая белая рубашка расстегнута на шее, и я вижу, как дергается его адамово яблоко.

— Да, — говорит он и поворачивается к Эмме. — Оставьте нас на минутку.

Женщины выходят в ванную комнату. Когда они скрываются из виду, Джек очень близко подходит ко мне. Томленье в моем теле достигает апогея. На мне нет одежды. Номер мягко освещен лампами с обеих сторон кровати. Более соблазнительной сцены у меня еще не было. Мужчина всего в нескольких сантиметрах от меня. Его палец касается моего подбородка.

— Ты лучше, чем я думал, — шепчет он.

Я тяжело сглатываю и спрашиваю.

— Что ты имеешь в виду?

Его рука касается моей спины и он прижимает меня к своим бедрам. Я понимаю, о чем он говорит, когда чувствую внушительную выпуклость, прижимающуюся к моему животу.

— На некоторые вещи ты легко вдохновляешь.

Я едва могу дышать. Мы связаны. Мягкая ткань его брюк, касающаяся моего живота, лишь подтверждает это. Его рука на моей голой спине.

— Черт, ты прекрасна. — Его губы в сантиметре от моих. Еще немного и я смогу коснуться его. «Старомодный», вероятно, все еще крутится на его языке.

Я плавлюсь в его руках. Мы не двигаемся. Я поймана между страхом и желанием. Строки его писем вспыхивают во мне, пробуждая тепло, которое я чувствовала все эти месяцы, читая о его опьяняющей необходимости.

Теперь он прямо здесь, напротив меня, горячий и желанный.

Его челюсть покрыта щетиной. Я сопротивляюсь желанию коснуться её. Я хочу чего-то большего, но не знаю чего. Возможно, поцелуя. Точно. У меня есть шанс, прямо сейчас.

Мне хватит смелости? Я смотрю на его рот. Мое дыхание становится рваным. Джекс чуть сдвигается — легкое движение ко мне. И между нами становится еще меньше пространства.

Палец под моим подбородком движется вниз, лаская мое горло. Это ощущение — все, о чем я могу думать. Он собирается сделать это. Он поцелует меня. Что-то случится. Пойду ли я до конца? Как далеко я смогу пойти? Трепет моего тела говорит, что я не остановлю его и он заполучит меня в свою власть. Но он упирается пальцем на маленькое устройство, висящее на моей шее.

— Наслаждайся своей ванной, — говорит он. — Но знай, что здесь успокоительное. Не беги и не делай ничего резкого, иначе через несколько секунд отключишься.

Я отступаю от него, нарушая нашу связь. Моя рука поднимается к горлу, а Джекс разворачивается ко мне спиной.

— Не советовал бы трогал его. Оно активируется, если попытаешься снять его.

Я отдергиваю пальцы от шеи. Я готова кричать. Он играет со мной!

Ненавижу! Ярость все-таки рвется из меня.

— Убирайся! Мне нужно уединиться, чтобы ты не смотрел на меня, как озабоченное животное!

Он кланяется.

— Как пожелаете, прекрасная Мия.

Его глаза прощально скользят по моему телу, и Джекс исчезает в другой комнате.

Мое тело мгновенно замерзает. Я вижу халат, висящий на крючке, и хватаю его. Я ничтожна и безумна, разочарованна и отвратительна себе. Стоять голышом в гостиничном номере, и предлагать себя словно обычная шлюха, надеясь, что какой-то придурок обратит на меня внимание!

Я хочу плакать, но не буду. Я больше не та Мия. Я собираюсь пройти через это. Я сильная.

Эмма выходит из ванной.

— Вы готовы?

Иду к женщине, испытывая миллион разных эмоций.

Я не боюсь Джекса.

Я отброшу стеснения.

Но я не знаю, чего я хочу.

Пытаюсь представить себя в доме тети, забытую и одинокую, и не могу.

Но этот Джекс! Как же сложно его понять.

И я не знаю, чего он хочет от меня. Или чего я хочу от него.

Джек

Иногда по утрам я резко просыпаюсь. И тогда каждая мышца во мне напряжена и готова к битве — навык приобретенный еще в детстве. Оцениваю обстановку, чтобы убедиться, что ничего не изменилось, что меня не потревожили незваные гости.

В гостиничном номере царит сумрак. Ни звука. Я поворачиваю запястье и нажимаю кнопку на кобуре ножа, отвечающую за сканирование тепловых изменений. Только угли в камине светятся красным. Я один.

Грохот сверху подсказывает, что разбудило меня. Черт, надо было брать пентхаус.

Включаю лампу. Затемнённый циферблат показывает 5 утра. Что ж, можно начинать день. На стуле лежит чехол для костюмов, оставленный женщинами прошлой ночью. Мельком заглядываю внутрь: чистая майка, хлопковые боксеры, носки и гангстерский черный костюм идеального пошива.

Армонд, ты — нечто.

Я раздеваюсь до трусов и начинаю делать разминку — то немного, что прошло со мной и тюрьму. Приседания, отжимания, кое-что из йоги и раунд тайчи. Мне до чертиков нравится делать это не в тюремной камере.

По окончании тренировки я направляюсь в ванную, подавляя в себе бешеное желание зайти в ее спальню.

Принимаю душ и одеваюсь в чистый костюм, а затем все же иду к Мие. Не знаю какое настроение у нее будет сегодня. Когда женщины вчера уходили, то сказали, что она вымыта, одета и готова. В выборе наряда для нее я позволил им сделать выбор, а затем оставил ее в покое.

Трус, говорит мне внутренний голос. Но я предпочитаю не думать об этом. У нее явно разносторонняя подготовка, и я точно не ожидал этого от двадцатилетней.

Перед тем, как начать работу большинство девушек-Мстителей заканчивают колледж, но они попадают в программу в подростковом возрасте. Лишь немногие из них будут обучать младших, и зря — в некоторых ситуациях без молодежи никак не обойтись.

Жизнь Мстителей — это право первородства, и хотите вы или нет, но вам придется выбрать его. Когда родители на мое двенадцатилетие сообщили мне кто я, я rado пошел в лагерь новобранцев, взволнованный открывшимися возможностями. Однако, мой старший брат Артур, одержимый наукой и желанием провести жизнь в окружении пробирок и горелок Бунзена, отказался.

То было отличное время, хотя мои родители покинули программу, когда мне исполнилось тридцать. Или, по крайней мере, это *было* отлично, до прошлого года и моего тюремного заключения.

Смотрю на свое помятое лицо, отражающееся в зеркале. Не знаю, что видит Мия, когда смотрит на меня, на своего похитителя. Но она такая разная. Испуганная и храбрая. Злая и хитрая. Невинная, а затем соблазнительно обнаженная.

Кто же эта девушка? Я не знаю защищать ее или защищаться самому.

У меня есть опасения по поводу ее ввода в бункер с высокой степенью безопасности. Там может быть опасно. Если они созвали трибунал, чтобы наконец-то выслушать обстоятельства убийства Мстителя, это может затянуться на несколько дней. Наверное, нужно покинуть девушку. Но если я установлю с ней контакт, то узнаю больше о ее прошлом.

Я хочу знать, кто она, откуда родом, что планируют Мстители. Она наверняка сейчас при исполнении и проходила обучение. Может, я смогу влиять на нее или, по крайней мере, буду знать, где она.

Если она не враг. В этом случае она будет гнить вместе с Джованной и ее близким.

Тихо открываю дверь в спальню.

Мия спит. Красные веревки, привязанные женщинами по моим инструкциям, удерживают ее на месте. Узлы грубые, но выполняют свою работу.

Медово-коричневые волосы Мии рассыпались по подушкам словно полоски тонкого шелка. Хотя ее руки привязаны, ей удалось соединить локти. Простыня подтянута к подбородку, но я вижу бретельки красного пеньюара.

Должно быть Армонд отправил только мои любимые цвета. На ее бледной коже алые полосы выделяются словно предупреждающий флаг. Так и надо. В последний раз, когда я досматривал женщину, та отправила меня в тюрьму.

Мия шевелится, когда я подхожу к ней. Ее глаза сонно открываются, а затем она просыпается со вздохом.

— Доброе утро, соблазнительница, — говорю я.

Она смотрит на меня и тянется к узлам. Хмурится.

— Ты меня поднимешь? Это не совсем удобно. — В ее словах слышится обвинение.

— Сейчас. Но сначала мы поговорим. Я иду на базу Мстителей. Там я надеюсь узнать, где может быть Клаус, а еще начать процесс очистки моего имени.

Ее глаза блестят. Надеешься остаться одна?

— Ты идешь со мной, — добавляю я с улыбкой.

— Почему? — Ее глаза тухнут.

— Потому что ты мне нужна. И мне любопытно. У Мстителей есть информация обо всех. Всех, кроме тебя. Если я там не смогу найти ответы, то я получу их от тебя. И поверь, я могу заставить тебя говорить.

Мия вздрагивает. Вероятно, думает о пытках. Бедняжка.

— Не волнуйся. Ты мне нравишься, помнишь?

— Некоторой твоей части, — мягко говорит она.

Теперь она ведет себя дерзко, неожиданно.

Я подхожу ближе. Мия напрягается, и это заставляет меня улыбаться. Что ж, вернемся к обучению. Запугивание.

Я помню, что прошлой ночью она голая стояла перед мной и ждала, что я ее поцелую. Но я не поддался желанию.

Развязываю первый узел. Мия отбрасывает испуганное выражение и протягивает руку. Ее вздох облегчения волнует меня.

Я чувствую желание.

И быстро избавляюсь от него.

— Даже не думай, что я не решусь держать тебя на привязи. — Дергаю веревку, для пущего эффекта.

— Эй!

Она поворачивается на бок, и простыня соскальзывает, открывая огненно-красное кружево. Ее холмики хорошо видны в невероятно глубоком вырезе пеньюара, но дальше все скрыто.

Она играет со мной? Зря. Сейчас я доверяю ей еще меньше. Тем не менее, реакция моего тела не заставляет себя ждать. Я хочу ее. Сжимаю крепче челюсть, чтобы противостоять желанию уронить ее на кровать и решить эту шараду прямо сейчас.

— Вверх, — говорю я.

Она резко дергает веревки.

— Как? — Гнев делает ее лицо еще красивее.

— Прекрасно. — Я развязываю все, кроме связок вокруг ее запястий.

— Передай мне платье, — говорит она, — и бюстгальтер.

Хочется сказать что-то едкое, но вместо этого я поворачиваюсь к стулу, на котором лежит красное платье-свитер. Рядом с ним в контейнере соответствующий бюстгальтер.

Я передаю ей вещи, и она вместе с ними исчезает под одеялом. Через мгновение оттуда вылетает красный пеньюар и замирает кровавым пятном на бежевом ковре.

Мой гнев моментально исчезает. Я никогда не видел, чтобы женщина действовала так. Сначала искушительница, а через секунду сама невинность. Что ж, это интересно.

Мия соскальзывает с простыни полностью одетая, платье еще больше подчеркивает ее изгибы.

Она настаивает на том, чтобы закрыть дверь в ванную, указывая на устройство на шее. Соглашаюсь. Там нет окон, а вздумай Мия выйти в любую другую дверь, то через пару секунд свалится без сознания.

Я направляюсь в гостиную и вытаскиваю оборудование Мстителей, что дал мне Сэм. Беру часы — одно движение и появляются два коротких острых зубца, покрытые ядом. Удобно.

Дверь в ванную открывается, и появляется Мия. Она прекрасна, несмотря на торчащие во все стороны волосы. Платье вторит каждому ее движению, слово пульсируя. Девушка движется с врожденной грацией. Она протягивает мне руки, с веревками на ее тонких запястьях.

— Готов вывести меня отсюда как рабыню?

Я приближаюсь, и буквально чувствую охватившее ее удивление, когда развязываю последние узлы и освобождаю ее.

— Почему ты не сделал этого раньше? — Она потирает следы на коже. — Все было бы намного проще. — Она смотрит на двери ванной.

Я усмехаюсь.

— Проще? Да. Но так ведь забавнее?

— Ты — говнюк!

На мгновение между нами возникает дух товарищества, будто мы в одной команде. Но это не так. Не стоит этого забывать. Ни на секунду.

— Мы уйдем отсюда вместе, — говорю я равнодушно. — Помни, я могу вырубить тебя в любое время, поэтому води себя нормально. На женщину, потерявшую сознание, никто не обратит внимания.

Она хмурится, легкое поддразнивание ушло. Отлично, мы должны помнить наше место в этой схеме.

— Мне нужна обувь.

Я машу рукой в сторону спальни, и раздосадованная и смущенная Мия направляется туда.

Хочу прикоснуться к ней, как-то успокоить.

Черт, эта девушка заставляет сомневаться.

Начинаю думать, что, возможно, она начала обучение еще подростком, но эта неловкая попытка соблазнения — это что-то новое. Тем не менее, отвратительная работа. Я все больше уверен, что она больше похожа на Джованну, и точно не из Мстителей. Программа дает отличные результаты, если подобрать ее в соответствии с талантом ученика, и они никогда бы не отправили недоучку на задание.

Мои мысли прерывает Мия, неуверенно шагающая на шпильках.

— Это ново для меня.

Отлично. Сама она не сможет пройти и двух метров.

Не важно. Пора выдвигаться.

Я касаюсь кнопки на столе, и через несколько минут появляется служащий. Легкий кивок и он берет мой упакованный костюм и красный чемодан, в котором лежат наряды Мии.

— Пора, — говорю я, когда он выходит.

Она подходит к застекленным дверям и разворачивается ко мне, освещенная утренним солнцем. Ее волосы великолепны, а красное платье добавляет силуэту соблазна. Да, со временем она нанесет свой удар.

Шагаю вперед и беру ее за руку. Она демонстративно смотрит в сторону, но не сопротивляется. Мы молча идем по коридору отеля. Мия пытается держать баланс, когда мы спускаемся в лифте и подходим к заднему входу.

Лексус уже ждет. Служащий открывает переднюю пассажирскую дверь, и Мия, помедлив секунду, садится. Я занимаю водительское место, и мужчина закрывает дверь.

Я не уверен стоит ли говорить ей, куда мы собираемся войти. Если она — Мститель, то раньше была на базах. Но думаю, что информационная карта Мии у них будет такой же пустой, как и на устройстве. Если это правда, я попрошу задержать ее. Я дойду до конца, пока не узнаю, кто она.

Если она действительно враг, то будет схвачена. И я с удовольствием допрошу ее сам, без каких-либо ограничений.

Заманчиво.

Мия задумавшись смотрит в окно. Ее кожа сияет в солнечном свете. Наверное мне просто нужно принять тот факт, что я ее поймал. Не хочу ничего сейчас говорить.

Я пойду, признаюсь в моей роли в убийстве соперника Джованны, о том, как это произошло и мы начнем процесс очистки моего имени.

После ночи, когда все рухнуло, никто не вызывал меня для допроса. Меня отправили в тюрьму Ридли, как обычного преступника, без суда Мстителей. Я хочу выяснить, кто это устроил и почему никто не поинтересовался как расследуется мое дело.

— Еще далеко? — спрашивает Мия.

— Час.

Мия разглаживает платье. Кажется, она нервничает.

Интересно, когда мы войдем в бункер, узнаю ли я, что она скрывает. Или она планирует напасть на меня и сбежать прежде, чем мы прибудем?

Это будет очень интересное утро.

Глава 14

Мия

Джекс кажется другим, не таким как прошлой ночью.

Я исподтишка поглядываю на него, на то, как он ведет машину. Теперь, когда я сижу на переднем сидении, понимаю, что этот автомобиль не похож на видимые мною раньше. На первый взгляд это очередная новомодная тачка. Экран камеры периметра автомобиля. Датчики, сообщающие время загрузки, километры, влияние авто на окружающую среду. Но есть и отличительные вещи. Карты на лобовом стекле. Обратный отсчет, который составляет двадцать четыре часа и закончится через сорок восемь часов. А еще непонятный шестиугольник, пульсирующий красными огнями различной яркости.

— Что это? — съездаемая любопытством, я указываю на шестиугольник.

Джекс смотрит на дисплей. В ярком свете дня он кажется менее внушительным. Я наконец-то вижу цвет его глаз. Серо-голубые. Он невероятно красив. Никогда не видела таких мужчин. Разве что в кино.

Вспоминаю, как он смотрел на меня прошлой ночью, когда я думала, что он поцелует меня. Мое сердце начинает быстрее биться.

— Это мои соотечественники и их расположение.

То, как его голос вздрагивает на слове «соотечественники» предполагает, что эти точки явно нечто совершенно противоположное дружественному.

— Ты сказал, что вчера дом моей тети был «скомпрометирован». Каким образом? — Его взгляд скользнул по мне, а затем вернулся к дороге.

— Кнопку тревоги нажала ты, так что ты должна знать.

— Я понятия не имела, что в моем абажуре что-то есть.

Его лицо мрачнеет. Этого Джекса я помню. Сердитый. Подозрительный. Нервный.

— Его должны были заменить на более современную модель. Ты недавно установила сейф в доме?

Этот вопрос кажется уловкой. Он знает, сколько я пишу ему письма.

— Я выросла там. Несколько лет провела в колледже. А затем вернулась, чтобы заботиться о тётке.

Его лицо становится еще более угрюмым. Он думает, что я вру, но не понимаю почему. Неужели он думает, что я что-нибудь знаю? Я внезапно понимаю, как невинных людей судят за преступления. Не важно, что ты не причастен. Ты виновен только потому, что оказался не в то время, не в том месте.

— Не понимаю, почему ты лжешь мне. Я высокопоставленный Мститель. Я все знают об этом доме.

— Не думаю, что знаешь. Ты говоришь, что там жила некая Джорджиана Пауэрс, но это не правда. Моя тетя Беа владела этим домом несколько десятилетий. Я провела там большую часть своего детства. Ты ошибаешься. — Я качаю головой. — Ты слишком упрям, чтобы признать это.

— Я никогда не ошибаюсь. Поэтому и оказался там, где оказался.

Фыркаю, выражая несогласие.

— Тюрьма Ридли? Это что-то вроде особого положения?

Отворачиваюсь от него и смотрю на величественные сосны, стоящие вдоль шоссе. Должно быть, мы проезжаем какой-то национальный парк, потому что дорога сужается и больше не видно домов или предприятий.

Джекс злится нависшей тишине, но мне все равно. Я лишь озвучиваю очевидное. Мне нечего терять. Я уже приняла все, что может случиться. Похищение. Изнасилование. пытки. Ладно, не пытки. Это мне сложно принять. Если меня убьют, надеюсь, это будет быстро.

Не понимаю зачем все эти проблемы.

— Это письма? — Я поворачиваюсь к нему. Надеюсь, мой голос звучит так же паршиво, как я себя чувствую.

— Что ты имеешь в виду?

— Причина, по которой ты меня похитил. Это потому, что я притворялась Клаусом? — Я проглатываю комок в горле. — Мне очень жаль. Я думала, что твои письма... интригующие, и если я отвечу на них, это никому не навредит. Я думала, тебе понравилось.

На его лице дергается мускул. Мои неуклюжие извинения расстраивают его.

— Прекрати. Ничто не говорит, что ты причастна к этому. Даже если твои письма не относились к делу, ты была в безопасном доме Мстителей, а это последнее известное место пребывания моего друга.

Я сдаюсь. Он не будет слушать меня. Он думает, что все, что я говорю, ложь. Мы едем непонятно куда, но если то место хоть немного похоже на его автомобиль и прибабасы в багажнике, то там наверняка опасно.

Мой живот урчит. Мы не завтракали, а Джекс даже не подумал об этом. Наверное, Мстители питаются гневом. Хотя и эта пища не для меня.

Мужчина словно прочел мои мысли:

— Рискованно останавливаться на этом маршруте. Нас накормят в бункере.

— В Ритце что, отсутствует обслуживание в номерах?

— Меня дважды травили в отелях, — мрачно отвечает Джекс. — Слишком слабая безопасность.

Это меня затыкает. Что это за жизнь, если тебя отравляют в шикарной гостинице? И какой мужчина выживает — да еще и дважды?

Мы съезжаем с шоссе на гравийную дорогу, и вскоре оказывается в лесу. Страх нарастает. Это идеальное место, чтобы спрятать труп. Интересно, убьет ли меня Джекс. Все в нем говорит мне, что это возможно.

Кроме прошлой ночи. Почти поцелуй. Он чувствовал то же, что и я. Прижимаю руку к своему животу. Платье мягкое и гладкое. Вчера Эмма сказала, что это кашемир. Что для меня только лучшее и мне повезло.

Везучая! Ха!

Дорога становится более ухабистой, и даже в этом навороченном автомобиле нас начинает потряхивать. Джекс держится за руль обеими руками и смотрит на дорогу. Шестиугольник загорается пульсирующими яркими точками. Они сосредоточены на пространстве, к которому мы приближаемся.

Скошенные маленькие деревья и подлесок под шинами. Через несколько метров мы останавливаемся под навесом деревьев.

— Почему ты съехал с дороги?

— Мы не можем появиться прямо у дверей. Если все пойдет не по плану, я хочу иметь средство передвижения.

— Они не знают, что ты приедешь?

— Мы находимся за периметром надзора и скрыты от спутников. Кроме автомобиля. Даже если его увидят, он зарегистрирован на гражданского. Просто авария.

Я понимаю, что до боли впились пальцами в ручку дверцы.

— Значит, мы пойдем пешком?

Он бросает взгляд на мои туфли.

— У тебя есть другая обувь?

— Могу посмотреть. — Поворачиваюсь на сиденье и тянусь к красной сумке. К сожалению, единственная обувь в ней — это пара высоких ботинок на платформе.

— Есть сапоги, но они подходят разве что для ролевых игр в босса и секретаря.

— А что случилось с теми кроссовками, которые ты привезла из дома?

Прощупываю сумку.

— Наверное, остались в отеле. — Наряду с той вульгарной ночной рубашкой.

— Это недалеко, но идти будет тяжело.

— Я справлюсь. — И я сделаю это, чего бы мне это не стоило.

— Мы пойдем по главной дороге, — говорит он и открывает свою дверцу. — И буду признателен, если ты никому не расскажешь об автомобиле.

Я открываю дверь и осторожно ставлю ноги в грязь и шишки. Джекс подходит и протягивает руку, чтоб помочь. Я стесняюсь, а затем принимаю его руку. Он поднимает меня. Я стою неуверенно, на носочках. Однако в тот момент, когда я перемещаю вес на пятки, каблук уходит в землю и я откидываюсь на автомобиль.

— Что ж, — говорит Джекс, — это будет интересно. — Он выравнивает меня.

На этот раз я пробую удержать баланс.

Кажется, он контролирует свое терпение. Я держусь за его руку и делаю первый шаг. Что ж, ходьба на пальцах определенно помогает.

— Мне нужно взять кое-что из багажника, — говорит Джекс и отпускает меня, и я опираюсь о дерево.

— По крайней мере, они не знают, что мы здесь.

— Пока что. В ту минуту, когда мы вышли из машины, то появились на радаре. — Он вынимает чемодан. — У меня есть тридцать секунд, чтобы выбрать оружие и уйти подальше от этого автомобиля, чтобы о нем не узнали. — Он смотрит на меня. — Если мы этого не сделаем, наш план рухнет.

— Ты! Уничтожь свой план! Это безумство идти в здание повышенной безопасности к тем самым людям, что засадили тебе в тюрьму!

Джекс игнорирует меня.

О, этот мужчина бесит.

Горячий. Сексуальный. Впечатляющий.

Бесит!

Глава 15

Джекс

В последнее время я живу словно на пороховой бочке.

Открываю багажник, чтобы отсортировать имеющиеся у меня инструменты. Когда я планировал все это, то не думал, что с гардеробом Мии возникнут проблемы.

Здесь нельзя долго оставаться, ведь если кто-то отправит дрон на разведку, то автомобиль заметят. Он невидим только для датчиков и сигналов, на которые здесь так полагаются Мстители. Даже с поддельными документами на машину, двое зависающие рядом с ней, выдадут ее с потрохами.

Я беру какую-то пластину с черной полосой вдоль края. Провожу пальцами по поверхности, и несколько значков загораются. Это последняя модель электронной отмычки. Сэм занимался устранением багов, когда меня посадил, но, похоже, уже закончил. Это радует. Кладу пластину в скрытый карман в подкладке пиджака.

Затем накладываю на ухо крошечную тонкую нить. Она увеличивает радиус слышимости, а в сочетании с моим телефоном неплохо работает удаленным динамиком и радиосканером.

Тщательно проверяю ножевой футляр на руке. Маловероятно, что мне позволят сохранить его, хотя его ношение допустимо в бункере.

— Все, идем. — Я закрываю багажник.

Мия молча повинуется. Пропускаю ее вперед, чтобы следить за ней и нашим продвижением к бункеру. Когда мы отходим на приличное расстояние от авто, нажимаю кнопку на брелоке, одна из шин сдувается.

— Зачем? — В голое девушки испуг.

— Чтобы казалось, что ее оставил обычный гражданский.

— О-о-о. Поэтому они не возьмут ее.

— В точку.

— Но как мы убежим?

Я нажимаю кнопку повторно, и шина восстанавливает свою форму.

— Я тоже хочу такую штуку, — со вздохом говорит Мия.

Я снова сдуваю шину и пока Мия смотрит на свои туфли, забрасываю ключи на дерево. Их не должны отобрать.

— Нам далеко? — спрашивает девушка, хватаясь за мою руку и спотыкаясь.

— Не особо.

Она приноравливается к ходьбе на каблуках в подлеске, но стоило выйти на дорогу, где гравий перешел в асфальт, все пошло замечательно.

— Вау, — говорит она, замирая.

Бункер стоит возле низкого холма. Во время Холодной войны здесь находились ракеты, но все закончилось и Мстители забрали строение себе, как и многие другие бункеры по миру. Они являются частью слабых связей между традиционными Правительствами разных стран и сетью Мстителей.

Мы приближаемся к бетонным стенам, которые примыкают к огромным металлическим дверям. На вид здесь все заброшенно и занесено слоями грязи.

Мы находимся на расстоянии пятидесяти метров, когда двери открываются. Листья взлетают и проносятся мимо нас. Мия боится. Она готова бежать. Но я крепко держу ее. Не убежит.

К нам выходят двое мужчин. Один одет в коричневый пиджак и синие джинсы. Его походка сосредоточена, но нетороплива, сразу видно хорошую подготовку. На втором беговой костюм с длинным рукавом. Его внушительные мышцы заметны даже на расстоянии, поза говорит о высокомерии.

Они ждут, когда мы приблизимся. Я не вижу оружия, но не сомневаюсь, что оба вооружены. Уверен, что Бегун считает себя мастером-боевиком. Пускай так и будет. Очевидно же, что господин Пиджак круче. Когда мы находимся на расстоянии примерно пяти метров, Пиджак говорит:

— Джек Де Лука, вы и ваш напарник пройдете вместе с нами для проверки безопасности. Если у вас имеется оружие, пожалуйста, покажите его сейчас. Несоблюдение будет рассматриваться как враждебное намерение, и мыотреагируем силой.

Бегун сжимает губы и встряхивает руками, будто сбрасывая напряжение. Он напоминает мне бойца-задиру до того, как противник хорошенько надерет ему задницу.

Я никогда не был столь глуп, чтобы проносить оружие в бункер. Дергаю запястьем, активируя кобуру и выпуская нож. Тот подмигивает солнцу, когда я держу его.

Мия отпускает меня.

— Ты принес нож! — шипит она.

— Хорошо, — говорит мистер Пиджак. — Идите с нами. Пожалуйста, держите нож в поле зрения.

Мия удивляется, что мне оставляют нож. И это заставляет меня задаться вопросом, была ли она хоть раз в бункере. Невозможно быть Мстителем ни разу не оказавшись там. Она должна знать основу.

Мистер Пиджак поворачивается к нам спиной, не смотря, следуем ли мы за ним. Бегун одаривает меня усмешкой, когда мы проходим его. Я поднимаю бровь и усмехаюсь в ответ. Его злобный взгляд ощутимо колит мне промеж лопаток.

— Кажется, мы не знакомы, мистер?.. — спрашиваю Пиджака.

— Я единственный, кто говорит, мистер Де Лука.

У Мстителей принято представляться при встрече с коллегой. Либо в этом бункере другие порядки, либо Пиджаку поручено не называть себя. Сложно.

Я смотрю на Мию, чтобы оценить ее уровень беспокойства: если она связана с Джованной, то должна дрожать от страха. Тем не менее, кроме неудобства с обувью, она кажется спокойной и любопытной. Меня нервирует, что я не могу определить ее классификацию.

Я никогда не обманываюсь. Так что либо Мия не с Джованной, либо снова удивляет меня своим профессионализмом. Вот и узнаю.

Мы переступаем порог и оказываемся в небольшой камере, типичной для бункеров. Тяжелые стальные двери позади нас закрываются, а блестящие впереди со свистом открываются. Дальше коридор окруженный толстыми стеклянными экранами с рисунками, со слабыми встроенными схемами. Я ждал этого. Нас проверят и информация будет отображаться по мере прохождения.

— Сделайте шаг вперед, пожалуйста, — говорит мистер Пиджак.

Я чувствую сомнения Мии, но беру ее руку и веду в стеклянный зал.

Как только я вхожу, панели на моей стороне оживают. Мое имя. Жизненно важные органы. Последние известные места пребывания. Слова «Тюрьма Ридли» выделены красным цветом. Рядом мигает слово «беглец», как обвинение. Ничего неожиданного, и я рад, что нет никаких данных за последние 24 часа. Даже о доме Мии. Автомобиль хорошо скрыт. До этой минуты информация обо мне была скрыта.

Я смотрю на другую сторону, где отображается информация Мии.

Или должна была бы быть.

Вместо стены текста, подобного моей, Мия — чистый лист. Есть только ее имя.

Невозможно.

В идентификационных записях может быть скрытая информация, но сканер бункера должен показать все. Даже если кто-то был удален, всегда оставалась минимальная информация. Но помимо имени у Мии ничего нет.

Я сдерживаю свое удивление, но у Бегуна не получается совладать с эмоциями.

— Какого хрена?! — показывает он на данные Мии. — Джонс, ты что-то понимаешь?!

— Заткнись, дурак, — огрызается тот. — Вижу.

Я пытаюсь вспомнить Джонса по делам Мстителей, но это слишком распространенное имя. Пиджак ничего не говорит, но проходит между мной и Мией.

— Пожалуйста, пройдите со мной. — Он кладет руку ей на плечо.

Я встаю перед ним.

— Куда ты ее ведешь?

— Это не твоя забота, приятель, — говорит Бегун. Он рядом и слишком близко.

— Это моя забота, поскольку у нее может быть информация, касающаяся меня. — Я складываю руки на груди. Держу нож, но прилагаю все усилия, чтобы не орудовать им. Открытая угроза мне сейчас не нужна. Лицо Джонса темнеет.

— У мисс Морроу нет информации для беглецов.

Я чувствую, как в груди поднимается гнев и глубоко вдыхаю.

— Я — бывший директор Западного побережья синдиката. Единственная причина, по которой я здесь, это желание очистить свое имя, и эта девушка может иметь полезную информацию. Это все.

Бегун явно насмехается надо мной.

— Теперь ты — никто.

Он даже не видит, как все происходит. Быстрый разворот, я касаюсь ладонью его плеча, а затем бью в спину. Мужчина тяжело падает, размахивая конечностями. Зависаю над ним и прижимаю его коленом. Он задыхается и пытается втянуть воздух. Вот мальчик и стал паинькой.

— Стой! — раздается голос позади нас.

Я отвожу взгляд и вижу мужчину, шагающего по коридору. Его глаза хмурые, суровые и требуют внимания, если не уважения. Я плавно поднимаюсь, стараясь держать руки с ножом в поле зрения. Бегун все еще шумно дышит. Вижу, как Джонс ухмыляется и покачивает головой — да, это хороший урок для вспыльчивого охранника.

Новоприбывший останавливается в метре от меня, переводит взгляд от меня к Бегуну и, наконец, к Мие. Изучает ее.

— Джонс, пожалуйста, отведи миссис Морроу в Восточную комнату. А вы, мистер Де Лука, — он указывает на меня, — пойдете со мной.

— Я бы предпочел, чтобы мисс Морроу осталась, — отвечаю я, не двигаясь с места.

Мужчина останавливается.

— В данный момент это невозможно. И я настоятельно советую вам пройти со мной. Если вы действительно хотите очистить свое имя.

Мия с ужасом смотрит на меня, когда Джонс ведет куда-то ее. Я почти протягиваю руку и хватаю ее, но в последнюю секунду одергиваю себя. Сейчас у меня не так много вариантов, и мне ясно дали понять, что пребывание с Мией не является одним из них.

Глава 16

Мия

Я должна паниковать, когда меня уводят от Джекса. Забавно, как быстро ваш похититель становится единственным знакомым вам лицом. Я не знаю, ждет меня впереди гибель или спасение.

Джонс, мужчина в коричневом пиджаке, поддерживает и осторожно направляет меня, когда мы спускаемся по короткому коридору.

Я оглядываюсь, чтобы посмотреть на Джекса, но он и тот мужчина уже исчезли. Информация о Джеке все еще на дисплее, слово *БЕГЛЕЦ* пульсирует красным.

— Сюда, мисс Морроу.

— Куда вы меня ведете?

— В нашу гостиную.

Когда мы приближаемся к стальным дверям, вдоль моего тела проходит сканер, и затем створки разъезжаются, пропуская нас. Мы заходим в то, что кажется лифтом, но

здесь нет кнопок. Двери закрываются, и начинается спуск. Облокачиваюсь на стену, чтобы отдохнуть от неудобной обуви. Хочу еще раз спросить, куда мы направляемся, как лифт останавливается и выпускает нас.

Впереди коридор овальной формы почти в рост человека. Гладкие металлические стены. Стараюсь не отставать от Джонса, но получается с трудом, и я уже полна решимости снять долбаные каблуки. Стараюсь не думать о том, что произойдет, если попытаюсь убежать.

— Что это за место?

— Старый ракетный бункер, — отвечает мужчина, замедляя темп, чтобы приноровиться к моей неуклюжей походке.

— Но что здесь теперь? Стекланный коридор, что мы прошли, точно не из ракетного бункера.

Мы подходим к новым дверям. Джонс проходит сканирование. Но прежде чем стальные панели разъехались, он поднимает руку ладонью вперед. Мигает красный индикатор. Я начинаю нервничать.

— Что Джекс сказал вам?

Понятно, ему нужна информация. А я не хочу добавлять Джексу проблем.

— Ничего, — говорю я наиграно. — Он сказал, что нашел меня в безопасном доме и поэтому моя личность скомпрометирована. Он думал, что здесь мне будет безопаснее.

Все лгут. Так почему бы не поддержать их игру? Я думаю о своей матери, о том, что она бы сказала и сделала, если бы не знала, кто друг, а кто враг.

Джонс кивает:

— Не беспокойтесь. Мы проверим ваш дом прежде, чем вернуть вас туда.

— Я смогу пойти домой?

— Конечно, сможете.

Он опускает ладонь, свет переключается на зеленый и двери плавно открываются. На мгновение я не могу связать то, что вижу, с коридором, который мы только что прошли. Это похоже на фойе отеля. Несколько человек ходят среди искусно сделанных низких диванов, в центре витиеватая металлическая скульптура и длинный изогнутый стол. За ним сидят шесть женщин лицом к экрану, который отделяет их от людей, проходящих мимо. Вижу разные изображения, слова, карты и точки. Женщины активно двигают руками над информацией и говорят в маленькие микрофоны, идущие от их ушей. Нет естественного света. Мраморные стены. Должно быть, мы сейчас очень глубоко.

К нам подходит женщина в строгом бледно-голубом костюме.

— Это, должно быть, Мия. — Она протягивает мне руку. — Вы, конечно, измучены. Насколько я знаю Джекса, он не кормил вас и не давал спать.

— Мы спали. Я спала, — говорю я, бормоча.

Выражение ее лица не меняется.

— Я — Делл. Я договорюсь о вашем возвращении. — Она кивает Джонсу. — Я заберу ее.

— Был рад знакомству, — говорит мужчина и уходит, а я вновь чувствую себя брошенной.

— Откуда вы знаете Джекса?

Женщина уходит, и я полагаю, что должна следовать за ней.

— Вопрос в том, откуда *ВЫ* его знаете.

Мои подозрения увеличиваются. Все ли здесь отвечают вопросом на вопрос? Я решаю не отступать.

— Я первая спросила.

Мы пересекаем фойе и входим в помещение с ковровым покрытием на полу. Делл улыбается.

— Я работала с Джексом на Западном побережье. Шесть лет сумасшедших выходов. Был случай в Вегасе с кучей бойцов из ММА... — Она качает головой. — Этот Джекс.

— О.

Интересно, может, у нее с Джексом был роман. Она говорит так, словно они давно знакомы. Непонятно почему, внутри все буквально переворачивается. Делл стройна и красива, и еще у нее изящная походка, на каблуках. Несомненно, Джекс предпочитает таких женщин, а не наивных селянок, которые не могут нормально передвигать ногами.

Стараюсь держать лицо, когда пошатываясь иду по коридору. Интересно, как там Джекс. Его допрашивают? Отправили в тюрьму? Он был так уверен, что здесь все будет хорошо.

— Я увижу Джекса? — спрашиваю я.

Делл останавливается у новой двери и ждет, пока ее сканируют.

— Сегодня он будет на собраниях.

Тон пренебрежительный.

— Поешьте, а мы пока организуем транспорт.

Я чувствую себя странно, поняв, что смогу вернуться домой после всего произошедшего. С трудом верится.

Делл ведет меня в комнату похожую на гостиную. Изогнутые диваны вдоль стен, все в приглушенных оттенках серого и синего. Мягкий свет наполняют комнату спокойствием. Длинный изогнутый кофейный столик с тремя маленькими вазами с ярко-розовыми цветами, словно восклицательные знаки посреди равнины.

— Кофе? Чай?

— Чай. — Я сажусь и сопротивляюсь желанию снять надоевшие каблуки.

Делл садится на подушки.

— Думаю, вы сбиты с толку произошедшим.

Нервничаю. Что, если они хотят получить от меня информацию против Джекса?

— Когда я смогу уйти?

Делл бросает глаза на то, что выглядит как обычные часы. На стене, которая кажется стеклянной на светло-серой поверхности, появляется изображение. Делл просматривает ничего не значащие для меня слова, какие-то греческие буквы, координаты и время.

— Время проверки вашего дома в Теннесси составит около шести часов. Но мы получим разрешение, чтобы вывезти вас раньше. — Она улыбается мне. — Это не будет проблемой.

— Спасибо, — говорю я неуверенно.

Дверь открывается, и девушка, наверное лет семнадцати, входит с подносом. Она одета странно — в белый брючный костюм, который выглядит как кожа.

— Какой необычный наряд.

— Катя учится, а это ее униформа.

Катя не отрывает от меня взгляда, когда ставит сервиз на журнальный столик.

— Я никогда раньше не встречала особенного...

— Катя, это все, — резко обрывает ее Делл.

Девушка краснеет и уходит.

— Что она имела в виду под «особенным»?

— Здесь только те, кто в нашем деле. — Делл наливает чай.

Вдруг я задаюсь вопросом, есть ли там наркотик. В ушах нарастает гул, когда Делл ставит чайник.

— Сахар? Молоко?

Я качаю головой. Она придвигает чашку ко мне.

— А вы не будете?

— Вам так будет комфортнее?

— Да, я бы хотела, чтобы вы выпили первой. — Нет смысла скрывать то, что я чувствую.

— Время с Джексом заставит быть осторожным кого угодно, — говорит Делл и наливает себе чай.

Я смотрю на нее и наконец-то выпаливаю:

— Вы и он... встречались?

Делл смеется низким гортанным смехом.

— Я бы не назвала это так.

Представляю себе их вдвоем в постели. Не хочу знать! Беру чашку, но не отпив, ставлю ее назад. Делл так и не прикоснулась к чаю.

В полу открывается небольшая панель и в комнату вкатывается серебряный предмет, напоминающий металлический шар для боулинга.

Я сопротивляюсь желанию убрать с пола ноги, когда он приближается к ногам Делл.

— Чудесно, — говорит та и прижимает ладонь к его поверхности. Она светится зеленым и со странным шипением верхняя часть шара открывается. Внутри — красивый браслет с кристаллами и большой золотой застежкой. Делл берет его. — Спасибо, — говорит она непонятному объекту и тот возвращается к открытой панели.

Странно.

Делл поворачивается ко мне.

— Это очень важный аксессуар для вас. — И она подходит ко мне ближе. — Действует как ключ ко всем комнатам в этом здании. Вы можете передвигаться здесь, а также ходить на кухню, в спальню, спа-салон и тренажерный зал.

Она защелкивает браслет на моем запястье.

— Вы здесь не пленница, Мия. Мы хотим доставить вас домой и вернуть к нормальной жизни. Но это не так просто, когда попадаешь на объект подобный нашему.

Я встряхиваю запястьем. Кристаллы звенят, как и в любом обыкновенном браслете.

— Как это работает?

— Сканеры прочитывают его и двери откроются.

— Они не знают, кто я, да?

Делл колеблется, словно взвешивая слова.

— Вас нет в нашей системе.

В этом есть смысл. Все были удивлены, что на их экранах появилось только мое имя. Я оглядываюсь, понимая, что в этой комнате полно одинаковых дверей. Даже не знаю, в которую из них я вошла.

— А как вы выходите наверх?

— О, это совсем другое дело. Есть определенные места. Вас будут сопровождать туда.

— Это будет Джекс?

Я вижу, что ее терпение уже на грани.

— Не думаю, что вы увидите мистера Де Луку сегодня.

Или снова, если я правильно понимаю ее тон. Я улыбаюсь и повторяю уже озвученный мною вопрос, будто он не такой уж важный.

— Так когда я уеду?

— Как только мы сможем это устроить.

Или, думаю я, как только я смогу выбраться отсюда и найти Джекса.

Глава 17

Джекс

Двое охранников заходят через боковую дверь, и становятся по обе стороны от меня.

Один протягивает руку:

— Нож, пожалуйста.

Я отдаю. Он бросает его в стальную коробку.

— А теперь кобуру и телефон.

Я вытаскиваю телефон и передаю ему, предварительно перед этим заблокировав, тот вибрирует, приняв команду. Я знал, что они отберут его, но уже жалею о его потере. Как

сказал Сэм, неотслеживаемый телефон — редкая птица. Я надеялся, что система его не увидит, но...

— Кобуру.

Я поднимаю рукав и вытягиваю ее.

— Ушной микрофон.

Это злит. Маленькая нить была бы полезной даже без телефона. Я осторожно извлекаю микрофон и отдаю.

— Часы.

Прощай, еще один мой девайс.

Человек в костюме придвигается ближе.

— Это все? — спрашивает он.

Один из охранников кивает.

— Все, что мы увидели на сканерах.

К счастью, они пропустили слепок ключа. Он ультратонкий, и Сэм, должно быть, не передал эту технологию синдикату. Я благодарен за эту предусмотрительность.

— Мистер Де Лука, пожалуйста, идите за мной. — Мужчина приглашает меня за собой вглубь коридора. Один из охранников следует за нами. — Итак, почему вы оказались у наших дверей?

— Может, решил проверить вашу оборону?

— Поверьте, мистер Де Лука, мы засекли вас задолго до вашего появления.

Насколько это утверждение верно? Я точно знаю, они потеряли меня после побега из Ридли. Известно ли им о машине? Или меня сейчас пытаются застать врасплох?

Ухмыляюсь в ответ.

— Ладно. Кто вы?

— Алан Картер, глава этого синдиката.

— Значит, мы равны, — я стараюсь говорить ровно. — Не помню, что когда-либо приезжал сюда.

— Да ладно, — тон Картера подозрительный. — Как показывает мой опыт, люди с побережья разговаривают с нами, только когда чего-то хотят.

— Уверю вас, мне мало чего надо.

Он останавливается и изучает мое лицо. Я улыбаюсь.

— Даже сейчас. — Это заявление, а не вопрос.

Картер идет дальше, и охранник толкает меня, намекая продолжать путь, будто я обычный преступник. Это не сулит ничего хорошего.

Мы идем по залу в тишине, пока не достигаем бункера, в котором когда-то размещалась ядерная ракета. На стенах висят старые плакаты. «Готов к запуску в одно мгновение!» — гласит один, на котором изображена улыбающаяся ракета-спортсмен. На другом плакате солдат держит ракету и говорит: «Защити нашу свободу от красных!»

Я был в подобных бункерах в бывшем Советском Союзе. Забавно видеть идентичные плакаты, где в качестве плохих парней указана Америка.

Мы проходим в новое помещение и бункер открывает вид на несколько этажей с открытым атриумом. На каждом этаже расположены столы и экраны, отображающие массивы информации. Я вижу экраны, настроенные на новости национальных изданий, указывающие разные места и возможные угрозы, анализ информации.

Это мозг центра, где синдикат изучает всю поступающую в сеть информацию, просеивает ее и разбирает для последующего анализа. Я бы многое отдал, лишь бы на несколько минут зайти на один из терминалов и попытаться найти Клауса. Сэм и Колетт ничего не нашли, но они должны были избегать какой-либо связи со мной. А здесь столько информации.

Но у Картера другие соображения. Мы спускаемся на несколько уровней вниз и, пройдя очередной коридор, останавливаемся у дверей. Сканер пробегает над Картером, и дверь открывается. Мы входим в комнату, в которой стоит белый стол и два стула.

Светлые стены усиливают впечатление. Посреди стола маленький черный купол. Это единственное темное в комнате.

Картер садится на стул с противоположной стороны стола. Охранник останавливается у двери.

Раньше я присутствовал на допросах, но не по эту сторону стола. Складываю руки на прохладной поверхности и молчу. В конце концов, Картер вытаскивает планшет и просматривает информацию. Он хмурится несколько раз и откладывает планшет. Экран гаснет прежде, чем я вижу, что там написано.

— Нарушение правил, несанкционированный доступ к системам синдиката, попытка взяточничества, нападения на офицера гражданской полиции, убийство Дружинника. И это не говоря о побеге из тюрьмы. Как вы думали доказать свою невиновность? И в котором из этих преступлений вы невиновны, мистер Де Лука?

— Виновен во всех. Это правда. Кроме взяточничества. Я всего лишь платил проститутке.

Глаза Картера сузились.

— Это не смешно. Кажется, вы не понимаете своего положения.

Я наклоняюсь вперед и пристально смотрю на Картера.

— Мне нужно поговорить с Сазерлендом.

Сазерленд — глава американского синдиката. Он руководит всеми регионами, и благодаря ему я получил первую должность.

Картер не смотрит в глаза.

— И почему вы думаете, что Сазерленд поможет вам?

— Потому что, — говорю я тоном, будто разговариваю с ребенком, — у него конечный вердикт по поводу конфликта между двумя Дружинниками. А значит, он может очистить мое имя. — Я выпрямляюсь.

Картер вздыхает, будто у него слишком много работы на сегодня, а я его отвлекаю.

— А что, если я скажу, что Сазерленд уже уведомил, что не хочет говорить с вами?

— Невозможно...

— Мы сообщили о вас, как только установили вашу личность. Кроме того, он поручил мне держать вас под стражей до тех пор, пока мы не переместим вас в максимально секретную тюрьму, откуда вы не сможете выбраться.

Шею начинает покалывать нервная дрожь. Я не думал, что Сазерленд откажется говорить со мной. Это не тот Сазерленд, которого я знаю. Однако, он был одним из тех, кто позволил главе синдиката гнить в тюрьме без трибунала. Я должен блефовать.

— Вы лжете, мистер Картер. Сазерленд — мой наставник и друг.

Картер поворачивает планшет ко мне и включает дисплей. Мое фото, все преступления и проступки, что и в проверочном зале. Однако под словом «беглец» есть дополнение.

По приказу директора Сазерленда, бывшего оперативника Джекса Де Луку задержать и переместить в Новую Аттику.

Это невозможно. После восстания полиции четыре года назад Новая Аттика стала одной из худших тюрем в стране. Чтобы Сазерленд приказал перевести меня в эту адскую дыру?

Я стараюсь держаться и сосредотачиваюсь на ощущении каждой части моего тела. Концентрация успокаивает меня, и я позволяю себе отдышаться. Потягиваюсь и возвращаю планшет.

— Здесь не говорится, что я не могу спрашивать.

Картер пожимает плечами.

— Валяйте. Но я не буду отвечать.

Я решаю больше не юлить.

— Где оперативный Клаус?

Картер озадаченно смотрит на меня, поэтому я продолжаю.

— Клаус. Несколько лет назад, до переезда в Америку, он входил в немецкий синдикат. Он был моим напарником, но исчез. Я боюсь, что его местоположение раскрыто и его жизнь в опасности.

Картер берет планшет и через несколько секунд хмурится.

— Я не вижу записи по оперативному Клаусу.

Еще один неприятный сюрприз.

— Вы правильно написали? Его последнее известное местопребывание в Теннесси.

— Нет, — говорит Картер. — Ничего нет.

— Дружинники просто так не исчезают! У него есть запись в системе! Я знаю, потому что я проверял ее, как директор синдиката!

Картер холодно смотрит на меня.

— Возможно, это был несанкционированный доступ?

Мое спокойствие треснуло. Я резко встаю со стула и с грохотом отбрасываю его. Охранник прыгает на меня с шокером в руке. Я хватаюсь за стол, чувствую, как мой гнев кипит, но приглушаю его, чтобы голос казался спокойным.

— Клаус был моим другом, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — У него была запись. Когда запись удаляется, в системе это помечается. — Я наклоняюсь над столом. — Поиск. Метки.

Картер смотрит на меня, и мне кажется, что он откажет проверить, но он берет планшет. Он хмурит лоб и его удары пальцами по экрану планшета становятся быстрее, более настойчивыми.

— Есть, — говорит он. — Я нашел метку в системе, прикрепленную к имени Клаус. Это не персональная запись. Просто уведомление о смерти.

— Что?

— Странно. Я дальше ищу метки, но вижу лишь уведомление о смерти Клауса, но нет данных о том, что он был жив.

— Как он умер?

— Об этом ни слова. Просто мертв. — Картер хмурится. — Это подделка. Никто не может умереть без записи.

— Можно? — Я протягиваю руку к планшету.

Картер колеблется, затем передает его. Я быстро ищу метки для удаленных записей, связанных с безопасным домом в Теннесси.

Одна есть. Закрытие безопасного дома из-за «токсического загрязнения».

Та же дата, что и запись о смерти Клауса.

Там нет химикатов. Это лишь уловка, чтобы закрыть его. Скрыть их действия. Клаус умер и кто-то удалил данные, чтобы замести следы.

Джованна.

И ее мелкая соблазнительница.

Мия.

Пропал без вести.

Я отдаю планшет Картеру и сажусь.

— Я обязательно добавлю это в свой отчет, — говорит он, направляясь к двери. — Возможно, ваша роль в помощи обнаружения этого отчета, поможет вам на слушании. — Он пожимает плечами. — Если выживете в Новой Аттике.

Он кивает охраннику, и они выходят.

В данный момент я сам, но мои дела здесь еще не закончены.

И у меня есть ключ.

А еще ложь и женщина, уничтожившая безопасный дом, и ее нужно найти.

И допросить.

Глава 18

Мия

Мне надоело сидеть с этой Делл. Я хочу уйти и найти Джекса.

Внезапно двери снова открываются, и Катя входит с подносом маленьких бутербродов.

Делл встает.

— Катя, посиди с Мией. Хочу проверить разрешили ли ей выехать.

Катя кивает, ставит поднос на столик и устраивается в дальнем конце дивана.

— Я скоро вернусь. Сообщите, если вам нужно что-нибудь.

Я смотрю на каблуки.

— А у вас тут нет обувного магазина?

Не то, чтобы у меня были деньги. Я ушла из дома в разорванной ночной рубашке и тапках. И никто не узнает, что я исчезла. Никто даже не подумал бы проверить, что со мной, кроме, может быть, соседки Ширли.

— Вы скоро вернетесь домой, — говорит Делл. — Мы поможем вам.

Чтобы отследить, какую из дверей она использует, я представляю часы, она вышла в дверь на шесть часов. Что ж дверей две. Может, это поможет понять где что. Катя вошла в двери на десять часов, так что кухня должна быть там.

— Вы голодны? — спрашивает Катя.

У нее прямые светлые волосы до плеч. Она красивая, макияж отсутствует, на ней лишь белый брючный костюм. Смотрю на ее ноги в белых кроссовках. Я бы не отказалась от таких. Они подходящего размера.

Понимаю, что Делл не выпила чай.

— Немного. Но у меня есть правило — никогда не есть в одиночку.

Я подталкиваю чашку Делл к Кате.

— Делл налила чай, но не пила его.

Катя с плохо скрываемым беспокойством смотрит на чашку. У нее не выходит скрывать свои мысли. Джекс съел бы ее живьем. Теперь я знаю, что чай отравлен. Интересно, как убраться отсюда.

Но девушка берет чашку и делает глоток. Я смотрю на нее, размышляя, знает ли она, что они сделали. Хотя, наверное, это она *приготовила* чай.

Несколько минут проходят в неловком молчании, а с Катей ничего не происходит, так что кладу себе в чай три ложки сахара и жадно пью. Я голодная и нуждаюсь в калориях, если собираюсь убежать из этого непонятного места. Не знаю, сказали ли они правду о браслете или меня просто отслеживает. Думаю, меня отравят, когда я попытаюсь куда-нибудь пойти.

— А почему ты назвала меня особенной? — спрашиваю Катю, когда тишина сильно уж затягивается.

— Потому что ты одна такая.

— Какая «такая»?

— У тебя нулевой экран.

— Что?

Она указывает на мою голову.

— Нулевой экран. Ты их не видишь? Они расположены под углом, и видны только, когда смотришь на них прямо. — Она слезает с дивана и касается моего браслета и поворачивает кристалл.

Над ней на стеклянном экране появляется набор данных, подобных тому, что был у нас с Джексом, когда мы вошли в бункер.

«Катя Рейнольдс. 18 лет. Фаза: стажер».

Стоп. Получается, Джекс говорил мне об этом.

— А что такое «фаза: стажер»?

— Это статус любого человека в первый год обучения. Ты этого не знаешь? — Она удивленно смотрит на меня.

— Я была в безопасном доме. — Возможно у меня получится соврать. — Для защиты.

— Ты ненамного старше меня, — говорит она. — Тебе не кажется, что ты особенная.

— Может поэтому у меня нет ни одной записи? — Я указываю на экран.

— Она есть. Просто она пуста, за исключением имени. Это делает тебя особенной.

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть свой экран. Конечно, все, что он говорит, это лишь «*Mia Morrou*».

— Но Делл сказала, что меня просто нет в системе.

— Все есть в системе. С того момента, как женщина получает положительный тест на беременность.

Я содрогаюсь от мысли, что кто-то смотрит на женщину, мочающуюся на палочку.

Что ж, пора выяснить, где я и что здесь делаю. Катей легче манипулировать. Я кусаю бутерброд и думаю о том, что сказать. Интересно, прослушивается ли наш разговор. Хотя, можно даже не сомневаться в этом.

Прикасаюсь к своей шее, на которой все еще закреплено устройство, надетое мне Джексом.

— Это так раздражает.

Она знала о браслете, и может, поможет деактивировать и это.

— Знаешь, как его удалить?

— Это просто трекер. Ты можешь снять это.

Очевидно, она не знает, что это.

— Меня вырубят, если я это сделаю.

— Нет, это просто трекер.

Она протягивает ко мне руку. Я пытаюсь оттолкнуть ее, но понимаю, что Катя намного сильнее, чем кажется. Ее рука словно сталь. То, что нельзя увидеть под этим белым костюмом, — это сплошные мышцы.

Я чувствую резкий рывок.

— Лучше всего сорвать его, как лейкопластырь. Видишь? — И она показывает мне ошейник.

Я ошеломленно провожу рукой по шее и опускаюсь на диван.

— Это GPS. Модель старая. Без седативного. Смотри.

Вижу лишь тонкую проволоку, протянутую по внутренней стороне ошейника.

Она права. Я в порядке.

И тогда я злюсь.

Ох, Джекс! Я могла сбежать в любое время! Ярость заполняет меня. Он думал, что я настолько глупая.

Катя кладет ошейник на стол.

— Как долго ты была в безопасном доме? Знаешь, это действительно старое устройство. Но ты все равно должна была пройти обучение.

Замечаю желтый шар на стене. Это экран Кати. Внизу мерцает иконка. Кажется, это связано с нашей беседой, Делл вернется в любую секунду, чтобы я не узнала ничего нового.

Здесь больше нечего делать. Я хочу изучить помещение, составить план побега. Я встаю и направляюсь к дверям на десять часов.

— Это двери на кухню?

Катя вскакивает.

— Да. Хочешь посмотреть? — Она рада, что нужно что-то делать, а не только разговаривать.

— Да, — говорю я. — Веди.

Когда я приближаюсь к двери, сканер проходит вдоль моего тела и замирает на браслете. Но двери открываются.

Отлично. Возможно, я действительно особенная.

Теперь нужно понять, как украсть обувь у Кати.

Глава 19

Джекс

В комнате для допросов тихо и холодно. Я смотрю на черный купол на столе. Внутри него камеры, микрофоны и термодатчики. Все, что только что произошло, будет сохранено и передано дальше.

Что ж, я изучу его, когда найду Мию. Одна лишь мысль о ней поднимает во мне волну ярости. Она расскажет, что случилось с Клаусом. Я больше не буду откладывать пытки, зная, что он умер в ее «безопасном» доме. Друзинники уполномочены использовать любые средства, необходимые для получения информации от гражданских лиц.

Знаю, что за мной наблюдают, поэтому уверен, что на их мониторах кажусь спокойным и сосредоточенным до той вспышки гнева.

Двери работают здесь как сканер, реагируя на тепло или ДНК, если они из последней серии. Значит, чтобы открыть их, я должен действовать быстро, иначе они подадут сигнал тревоги. Уверен, большинство здешних сотрудников не будут задаваться вопросом, кто блуждает по залам, поскольку сканеры настроены на удержание неуполномоченного персонала.

Однако у меня слишком мало времени, чтобы найти Мию. Ведь мне нужно, чтобы они думали, что я все еще заперт. Ключ, скорее всего поможет мне с открыть двери, но никак не спрячет от видеокамер. Разве что...

Я осторожно вытаскиваю тонкий клочок целлофана из скрытого кармана. Прикладываю его к нижней стороне стола и запускаю анализ блокировки.

Снимаю пиджак. Ключ подает сигнал об ошибке, поскольку не прикреплен к двери, но сейчас мне нужно кое-что другое. Быстрое нажатие и я повышаю его мощность. Купол трескается от неожиданного перепада напряжения.

Я бросаю пиджак поверх купола и снимаю ключ. Если я сделаю это правильно, все будет указывать на неисправность камеры. Они отправят кого-нибудь проверить ее, так что у меня будет несколько минут до прибытия техника.

Но я не собираюсь сидеть здесь и ждать, чем все закончится.

Подхожу к двери и устанавливаю ключ рядом с рамой. Сканер начинает ползти вдоль моего тела, но я быстро нажимаю на замок. Через секунду раздается звуковой сигнал и сканирование прекращается. Дверь открывается.

Я выдыхаю. Сэм — гений.

Коридор пуст. Я снимаю ключ и иду в направлении центрального бункера. Если я правильно догадался об их протоколе безопасности, никто не обратит на меня внимания, если я сам не захочу этого. Время это проверить.

Быстро вхожу в центральную часть и останавливаюсь, ища незанятый подъемник. Вижу один напротив себя. Остановившись рядом со стеной, я направляюсь к лестнице. Наверху отхожу в сторону, чтобы пропустить местного сотрудника, он без интереса смотрит на меня и я отвечаю ему вежливым кивком.

— Простите, — говорит он, и продолжает свой путь.

Вздыхаю с облегчением. Еще одно испытание пройдено. До тех пор, пока я не встречу никого, кто знает меня, все будет в порядке. Ни в одном из коридоров нет экранов, которые выдадут мой статус беглеца. Комнаты — другое дело, но я не планирую входить в них.

Подхожу к свободному терминалу. Интерфейс знаком, и я легко вытягиваю карту комплекса. Ничего не помечено, но похоже, что все восточное крыло — новая пристройка. Картер сказал, что Мию заберут в «Восточную комнату». Вероятно, она где-то там. Но где?

Трекер.

Я сказал Мие, что трекер на ее шее способен на всевозможные трюки, но на самом деле это всего лишь GPS старого образца. Если бы у меня остался телефон, найти ее было бы просто, но даже без него это посильная задача, если система здесь настроена так же, как в бункере на Западном побережье. Я просматриваю несколько экранов. Для отслеживания человека требуется вход в систему, а это может выдать меня. Но я использую обманный маневр и ввожу слово «трекер», словно я работник низкого допуска и просто проверяю наличие оборудования.

Бинго. Экран загорается, показывая расположение трекеров. Их концентрация намного выше требуемой, вероятно, это кладовка. Но есть и один. В восточном крыле.

Мия.

Я запоминаю планировку комплекса. Очевидно, мы не сможем выйти тем же путем, что вошли, но есть еще шесть аварийных люков. У четырех из них стоят сканеры и охранники. Два в неиспользуемой секции. Возможно, запечатаны. Скорее всего, я смогу вырубить охранников, но с Мией на буксире это опасно. Придется рискнуть.

Между Мией и неиспользуемыми люками достаточно сканеров, но я открою их, пока не выяснится, что я сбежал, и местные ребята не закроют бункер.

Нельзя терять время.

Выхожу в меню терминала и иду дальше. Еще одна прогулка по лестнице приводит меня к проходу во второй бункер. В отличие от того, что я только что оставил, этот бункер не обжит, просто огромный круг, в котором когда-то размещалась настоящая ракета.

На нижнем уровне стоит вертолет. Жаль, что он загорится, как елка, на каждом датчике Дружинников, если я вылечу отсюда. В противном случае, это было бы отличным средством спасения.

Нет, отсюда можно уйти только пешком. И я с удовольствием сам понесу Мию через лес, чтобы потом отыгаться за каждое слово лжи, слетевшее с ее губ.

В коридоре я пропускаю двух молодых женщин первой фазы в белых костюмах. Мы обмениваемся любезностями. Пытаюсь представить Мию в одном из этих нарядов, но это бесполезно. Она никогда не была Дружинником. Она — враг.

У входа в восточное крыло двери-сканер. Думаю, будет просто, как в первый раз. Но сканирование начинается в нескольких сантиметрах от меня, а мне нужны эти секунды. Я бросаю ключ на раму. Зеленая линия обрывается, а на поверхности двери мигают разные коды.

Сканер повторяет процесс. Луч ниже моей талии. Не знаю, что произойдет, если он меня не пропустит. Если все заблокируется, я пропал.

Когда луч касается моих коленей, раздается звуковой сигнал и сканер исчезает. Дверь открывается. Хватаю ключ и благодарю небеса, что он помог мне пройти вторую дверь.

Но мое путешествие затягивается. Время уже на исходе.

Захожу в новый коридор, он более обжитый, чем другие, и окрашен в бирюзовые и серые тона. Еще один поворот, и я почти у цели. В этом крыле пока что нет никого. Это хорошо, потому что здесь всюду экраны и мой будет виден всем, кто пройдет мимо, а пульсирующий красный огонек на нем вообще виден издали.

Очевидно, несанкционированные гости являются постоянными посетителями этого бункера. И вполне возможно, система уже отправила сигнал тревоги. Когда я был директором, у моего бункера не было такого крыла, поэтому я не знаю протокола.

Комната Мии должна быть закрытой. Хотя в ней есть окно, в которое можно посмотреть — вероятно это одностороннее зеркало. Я осторожно подхожу. Мия проходит

мимо зеркала, и я замираю. Я злюсь. Я знаю, что она связана с убийством Клауса. Но теперь, когда снова вижу Мию, понимаю, что она растеряна.

Черт. Она же враг!

И стоит мне подойти к двери, как в тот же миг раздается сигнал тревоги. Черт! Мия оглядывается. Я прикрепляю ключ к двери, дисплей загорается, но результата ноль. Повторяю попытку.

Ничего. Дверь не открывается. Заблокирована. Дерьмо.

Одностороннее зеркало. Его можно разбить? Мне нечем защитить руку, поэтому бью боком по зеркалу. Оно вибрирует, но не поддается. Мия вздрагивает. Она далеко.

— Мия! — кричу я. Она не реагирует на мой голос, но смотрит на дрожащее зеркало со своей стороны. Я бью снова и Мия отскакивает назад. Стекло не поддается.

Я озираюсь и пытаюсь успокоить поднимающуюся панику. Здесь должно быть что-то, чем можно разбить это чертово окно. Ничего. Пусто.

Вдруг я слышу шум открывающейся двери и собираюсь, ожидая, что на меня нападет орда Дружинников.

— Джекс?

Миа стоит в проеме.

— Джекс, — повторяет она, — что ты делаешь?

Стараюсь взять эмоции под контроль. Она не должна понять, что я зол, иначе не пойдет со мной.

— Мы должны убираться отсюда, — говорю.

Не дожидаясь ответа, хватаю ее за руку и тяну за собой по коридору. Она каким-то образом обменяла свои каблуки на кроссовки, поэтому мы бежим.

Как только я вытащу ее из этого бункера, она заплатит за то, что сделала.

Глава 20

Мия

Слава богу, я мне удалось снять обувь с Кати. И как же хочется рассказать об этом Джексу. Думаю, он будет гордиться мной. Возможно, это докажет, что я достойна остаться с ним.

Мужчина тянет меня по коридору в бешеном темпе. Мы приближаемся к другой двери, он что-то приклеивает к ней, но та не открывается. Джекс повторяет процедуру, и так же безрезультатно. Я подхожу и подношу браслет к панели, и те плавно раздвигаются. Он ошеломленно смотрит на меня.

— Так не должно быть во время тревоги.

Пожимаю плечами.

— Я — особенная.

Джекс снимает свое устройство, и мы бежим в бетонный зал. Подбегаем к другой двери — она старая, еще с ручкой. Над ней нет сканирующего устройства. Я встряхиваю браслет, но ничего не происходит.

Джекс усмехается.

— Мы больше не в Канзасе.

Понятия не имею, о чем он, но мужчина поворачивается и три раза быстро бьет по ручке. Металл стонет и вминается. Джекс кладет руки на рычаг и дергает его. Что-то щелкает внутри и дверь открывается.

— Низкие технологии.

В этом зале свет совсем тусклый, и слышен звук капающей воды.

— Сюда. — И мы бежим, пока не оказываемся у ржавой лестницы. Джекс смотрит на мои ботинки. — Повезло с обувью.

Хочу сказать ему, что удача не имеет к этому никакого отношения, но он уже на полпути вверх. Я не решаюсь следовать за ним.

— Давай, — кричит он. — Не заставляй меня возвращаться за тобой.

Я слышу грохот в коридоре и вижу, как бункер наполняется людьми. Это заставляет меня поставить ногу на нижнюю ступеньку и подниматься вверх к ждущему меня Джексу.

— Не спали нас, — шипит он.

— А ты сделай что-нибудь, — шиплю в ответ.

— Мы меняем старый план. — И он снова начинает подниматься.

— Значит, они забрали твои игрушки?

— Вроде того.

Стоит нам подняться выше, как наступила кромешная темнота.

— Как ты собираешься выбраться отсюда?

Мне не нравится, что я пытаюсь нащупать путь, чтобы не слететь вниз. Рукой нащупываю его ботинок.

— Они могут стрелять, — шепчу я.

— Мы же в люке, — говорит он.

Джекс движется вперед, и я вижу странный прямоугольник света. Это устройство, которое он прикладывал к дверям.

— Спустись на шесть ступеней вниз.

Спуск вниз хуже, чем подъем вверх. Пытаюсь нащупать ногой ступеньку, и стараюсь удержаться на скользкой лестнице.

— Не сегодня, — сердито говорит Джекс, подхватывая меня.

Вспышка над нами мгновенно ослепила меня.

— Что это было?

— Попытка сломать замок.

Я слышу его шаги. Устройство все еще излучает немного света, достаточно, чтобы отбрасывать тени. Джекс вздыхает, и через мгновение вокруг него появляется больше света.

Я вижу небо.

— Боже! Мы вышли!

— Успокойся. Нас могут ждать.

Но мне все равно, я рада, что оказалась вдали от тех людей и теперь с Джексом.

Джекс группируется на верхних ступеньках, а затем одним мощным рывком выпрыгивает из люка, как лев. Я замираю, ожидая звуков драки или стрельбы. Ничего.

Он нависает над люком.

— Вылезай. Здесь чисто, но у них есть датчики, так что это ненадолго.

Я тороплюсь.

Мы снова в лесу. Я хочу упасть и поцеловать землю.

— Под деревьями они не могут нормально видеть, так что вперед. — Джекс хватается меня за руку.

— Но они могут отследить нас на теплорадаре.

Джекс бежит к огромному валуну. Не знаю, почему он тащит меня туда, поскольку тот на открытой местности.

— Исправим, — говорит он, затаскивая меня на камень и без предупреждения толкая с обрыва в воду.

Потом мы падаем.

Я хватаюсь за Джекса. Воздух холодит мое лицо, когда мы летим вниз. Я пытаюсь открыть глаза и посмотреть на него. Зачем?

Столкновение с водой.

Я всплываю, стараясь удержаться на поверхности в своем неудобном платье. Меня тянет вниз. Я не плавала годами, с тех пор, как умерли родители. После аварии на лодке. Меня начинает захватывать паника.

Сильные руки обхватывают меня, и я вынырываю из воды. Джекс держит меня, подталкивая ближе к берегу, борясь с течением.

- Ты должна научиться плавать.
- А ты предупреждай, прежде чем бросать женщин с утесов.
- Нам нужно как можно дольше оставаться в воде.
- Ты хоть знаешь, где машина?
- Конечно.

Мы плывем еще около минуты. Я пытаюсь перевести дыхание. Над нами ярко-синее небо. И парят птицы, будто люди под ними просто плавают после романтического пикника.

- Я замерзаю, мои зубы стучат.
- Потерпи еще немного.
- И Джекс направляется к берегу реки.
- Я умею плавать. Просто не когда я ошарашена.
- Теперь не важно.

Я понимаю, что он имеет в виду, когда мои ноги касаются дна. Берег реки зарос кустами ежевики. Я буквально прорубаю себе путь, чтобы добраться до прочной земли.

Джекс останавливает меня.

— Мы должны оставаться достаточно холодными, чтобы избежать обнаружения, и добраться до машины, хотя они, возможно, уже нашли ее. Приготовься. У меня нет коммуникационных устройств. Мы здесь сами по себе. — Его синие-серые глаза смотрят в мои. — Если ты прошла специальную подготовку, то сейчас самое подходящее время рассказать, что ты умеешь делать.

- Я не знаю, что ответить.
- Я могу вязать морские узлы.
- С его лица исчезают все эмоции.
- Хорошо. Посмотрим, что будет дальше.

Он отступает. Я беру подол и задираю его до коленей, чтобы нормально идти.

— И что будет дальше? — спрашиваю я. — Это все, что у тебя есть? Большой суровый Дружинник со всеми причудливыми гаджетами?

— Это все, что у меня есть.

Я хочу запрыгнуть ему на спину и бить его, но ситуация явно не располагает к этому. Если нас вернут в бункер, что тогда? Я все еще буду особенной? Или беглецом, как и Джекс? Кристаллы все еще звенят на моем запястье. Джекс слышит их и останавливается.

— Черт. — Он срывает с меня браслет, и кристаллы разлетаются по листьям.

Конечно. Они могут отследить меня с помощью этого.

Джекс прибавляет ходу, и все, что я могу сделать, это держать его в поле зрения. Когда я думаю, что мне уже не хватит сил идти, я вижу машину впереди. Слава Богу.

Кроме того, шина все еще сдутая.

Джекс стоит под деревом.

Подхожу к нему, тяжело дыша.

- Они ведь забрали у тебя ключи?
- Я не настолько глуп. — И он резко свистит.
- Ключи прилетают, когда ты свистишь?
- И тут те падают с дерева, аккуратно в руку.
- Что-то в этом роде. А теперь садись.

Я открываю пассажирскую дверь, Джекс быстро садится на свое место и машина срывается с места до того, как я успеваю закрыть дверцу. Все мониторы выдают предупреждающие сигналы. Экран пульсирует красным во всех направлениях.

- Нас нашли?
- Они близки к этому.
- Джекс давит на газ, и мы выезжаем из-под деревьев в направлении шоссе.
- Нас будут преследовать.

— Да.

— Но у тебя есть план?

— Конечно.

Теперь, когда мы в машине, я испытываю безумное чувство восторга и ничего не могу с этим поделать. Не могу сдержать радостного визга.

— Что?

— Это так захватывающе!

Раньше я никогда не была сорвиголовой. Мне все равно, как я попала в этот мир. Все равно, что Джекс связал меня и тащил за собой. С ним все в порядке. И я здесь. Это лучшее приключение в моей жизни!

— Они собирались отправить меня домой. Как будто теперь я могу вернуться туда!

Джекс съезжает с дороги. Красные точки концентрируются прилично позади нас. Я уверена, что там уже нашли мой порванный браслет. Я снова визжу. Мы обманули их!

— Ты еще долго будешь шуметь? — рычит Джекс.

— Я слишком взволнована! — Хлопаю его по руке. — Что будем делать дальше? Куда едем? Ты узнал, где Клаус? Я хочу с ним встретиться!

После этих слов Джекс меняется в лице, срывает машину с места, и мы снова въезжаем в лес.

Глава 21

Джекс

Не знаю, в какую игру играет Мия, но я покончу с этим.

Хватаю ее за шею и нажимаю точку, которая, как я знаю, вызывает острую боль в голове.

Глаза Мии наполняются ужасом, но она не может говорить.

Мой голос похож на лед.

— Кто убил Клауса? Ты? Джованна? Или кто-то из ее людей?

Я отпускаю Мию. Она резко дергается и ударяется лбом о приборную панель. Я жду ответа.

— Кто убил Клауса? — повторяю я.

Мия вздрагивает, и это вызывает во мне противоречивые чувства. Но я игнорирую свои порывы.

— Отвечай, или я снова сделаю это.

Она всхлипывает.

— Я... я думала, что я особенная...

Я хватаю ее за плечо и прижимаю к сиденью.

— Я знаю, что ты как-то обманула информационную сеть Мстителей. А это уже не мало. — Я отдергиваю руку. — Но это не говорит мне, кто убил Клауса.

Она смотрит на меня заплаканными глазами, наполненными болью и страхом.

— Клаус мертв?

Если это часть ее идеального обучения, мне нужно знать, кто был исполнителем убийства, потому что замешательство, страх и невинность девушки настолько убедительны, что я отпускаю ее и устало откидываюсь на спинку кресла.

— Его убили в твоём доме шесть месяцев назад. Записи о нем и его смерти удалены.

Мия качает головой.

— Нет, это не правда. Я жила там с тетей. Все время. Пока ты не приехал. — Она смотрит на меня с мольбой. — Мы были одни. Там никого не убивали. И я никогда не слышала о Мстителях, пока ты не сказал о них.

От отчаяния мне хочется рвать на себе волосы, а я не привык к такому. Я же спокойно допрашивал особо стойких преступников. Так почему же ведусь на эту жалкую девчонку?

Я тянусь к часам, но вспоминаю, что их отобрали в бункере, вручную поднимаю экран, говорю:

— Зашифрованное сообщение.

Дисплей мигает красным, а затем зеленым.

— Начато шифрование, — произносит компьютер.

— Послание Сэму и Колетт. Клаус мертв. Записи удалены. Место встречи в...

Я смотрю на таймер обратного отсчета до момента, когда должен бросить этот автомобиль.

— Тридцать шесть часов.

Ввожу координаты, которые приведут нас к безопасному месту. Мия выдыхает.

— Они собирались отправить меня домой. — Она потирает свою шею. — Но я не хотела уезжать. — Ее голос звучит потеряно.

Я отключаю экран, чтобы он ее слова не добавились в мое сообщение.

— Хорошо, поиграем еще. Почему ты не хотела идти?

Она пытается заглянуть в мои глаза. Рассматривает меня, мои волосы, белую рубашку, теперь мокрую и прилипшую к телу.

— Потому что я хочу быть с тобой. Пройти весь путь. С тобой.

Глава 22

Мия

Боже, вот я и сказала это.

Выражение лица Джекса не читаемо. Я только что обнажила перед ним свои чувства. Желание быть с ним. Желание прожить эту жизнь. Не хочу домой. Джекс может связать меня. Может делать со мной все, что захочет. Я готова ко всему.

— Что скажешь?

Звуки сирен внезапно усиливаются.

Джекс смотрит на экран.

— Черт, они нашли нас.

Он рывком открывает дверь и бросается к багажнику. Я не вижу, что он делает, поэтому вылезая из машины, попутно запутавшись в тяжелом, мокром платье.

Я подхожу к Джексу со спины в тот момент, когда он вытаскивает какой-то большой железобразный кирпич, с прикрепленной к нему платой, мигающей зеленым светом.

— Время оживить тебя, — говорит он кирпичу и относит тот в подлесок.

— Та что? — повторяю я вопрос. — Ты оставишь меня? Я сделаю все, что ты скажешь. Все, что захочешь.

Он на секунду замирает.

— Ты действительно никак не связана с Джованной?

— Нет. Никак. — Мое сердце ускоряется. Он согласился?

— И ты не проходила специальную подготовку?

— Ну, теперь у меня есть нормальная обувь, — поднимаю ногу в кроссовке, — так что могу начать.

Он на мгновение прикрывает глаза, и когда вновь открывает их, в них светится холодная решимость.

— Я — беглец. И не могу таскать с собой гражданских. Я уже бросил своих товарищей в беде. Не хочу повторения истории.

Подхожу к Джексу ближе.

— Не отправляй меня в Теннеси. Я не принадлежу тому месту. У меня получится, я знаю.

Джекс качает головой.

— Мы расстанемся здесь. Очевидно, Мстители знают, что ты гражданская. Не понимаю, почему они защищают тебя, но это и не важно. — Он указывает на лес, где бросил кирпич. — Ты останешься здесь, они придут за тобой и отвезут домой.

— Но я не хочу домой! У меня нет дома! У меня больше никого нет!

Я не отпущу его. Не могу.

Некоторое время он колеблется, и я начинаю думать, что он согласится.

— У тебя нет выбора, Мия. — Джекс отталкивает меня. — Это не твой путь.

Нет.

Я должна что-то сделать.

Он уедет, и я его больше никогда не увижу.

Джекс садится в машину и собирается закрыть дверцу, когда я становлюсь на его пути.

— Мия, уходи.

Я никогда не делала ничего подобного. Даже не знаю с чего начать. Но я точно знаю, что Джекс чувствует что-то ко мне. Я должна показать ему, что мы должны сделать это вместе, чтобы он нашел причину оставить меня.

Я соблазню его. Буду такой женщиной, какой была в своих письмах.

Письма.

Я смотрю на Джекса, потом на заднее сиденье. Красная веревка все еще валяется в салоне. Без колебаний я подтягиваю платье до талии, чтобы дать свободу действий ногам. Джекс удивленно смотрит на мои красные стринги.

Я закидываю на него ногу и оседываю его. Тянусь за веревкой.

Джекс кладет руки на мою талию, чтобы оттолкнуть меня и это дает мне возможность накрутить веревку на его запястья и быстро связать их. Прежде чем он понимает, что происходит, я обнимаю его и закрепляю его руки у подголовника. Его локти оказываются на уровне моего лица.

— Красиво, — горько говорит он. — Значит, ты хочешь, чтобы Мстители поймали меня?

Я сглатываю. Слышу усиливающийся сигнал тревоги, но игнорирую его. Я верю, что Джекс вытянет нас из любой передраги.

Кладу руки ему на щеки. Удивляюсь, что его щетина не грубая, а мягкая.

Его глаза темные, мятежные серо-голубые. Я смотрю на его губы. Дважды он почти целовал меня, но так не довел поцелуй до конца. На этот раз я не позволю ему уйти.

Я наклоняюсь, и мы соединяемся. Его рот теплый и мягкий — лучше, чем я ожидала. Сначала он просто сидит и позволяет мне исследовать свои губы. Я помню о сцене в отеле и его выпуклости, стараюсь почувствовать ее.

Его грудь неподвижна, но я знаю, что он чувствует. Его лицо расслабляется под моими руками. Теперь его губы целуют меня, а не наоборот. Его язык скользит между моих губ, и я автоматически открываю их.

Наклоняю голову, чтобы втянуть его как можно глубже, и из моего горла вырывается стон. Больше я не чувствую холода, жар заполняет мое тело, когда я трусь об него. Я утопаю в нем, его огонь наполняет меня везде, где касаются его губы.

Веревки падают на нас, и я понимаю, что он освобождается. Я хочу смеяться, понимая, что мои узлы глупы, не могут удержать такого как Джекс. Он сильнее прижимает меня к себе. Наш рты снова находят друг друга, и я хочу кричать от удовольствия.

Его руки поглаживали мою спину, ребра и спускаются к обнаженным бедрам. Он сильнее раздвигает мои ноги, и я могу чувствовать его. Не хочу, чтобы между нами что-то было. Я хочу снять платье, почувствовать своей кожей его кожу.

Внезапно машина загорается красным.

— Периметр окружен, — говорит компьютер. — Полное нарушение безопасности через пятнадцать секунд. — И начинается отсчет.

Джекс прерывает поцелуй.

— Надеюсь, ты именно этого хотела. Потому что нас вот-вот поймают.

Продолжение следует...